

Денис Ратманов

КАРФАГЕН
ПОЛИГОН

Денис Ратманов
Карфаген 2020. Полигон
Серия «Карфаген», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70291783
Ратманов Денис. Карфаген 2020. Полигон: 2024

Аннотация

Здесь детей растят как инкубаторы для органов и в жертву приносят самых дорогих людей. Миром правят древние пунийские кланы, остальные народы потеряли индивидуальность и служат им. Все религии стерты.

Меня зовут Леон. Я бросил вызов прогнившему миру Карфагена.

На меня идет охота. Чтобы выжить и подняться выше, я отправляюсь на Полигон. Сто лучших бойцов сходятся в смертельной схватке, чтобы потешить зрителей. Остаться должен один, ему достанутся деньги и слава.

Я должен победить любой ценой!

Примечания автора:

Бои без правил, дикая охота, пустоши и людоеды, и на фоне этого – люди, которые пытаются остаться людьми в нечеловеческих условиях.

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1. Предварительный отбор	9
Глава 2. Чистилище	29
Интерлюдия. Элисса	47
Глава 3. Один-один	56
Глава 4. Команда	74
Глава 5. Пять на пять	87
Интерлюдия 2. Сандрино	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Денис Ратманов
Карфаген 2020. Полигон

*** * ***

Вместо предисловия

Меня зовут Леон. Мне тридцать один год.

Я живу в Новом Карфагене – гигантском зиккурате, где правят культисты Ваала. Общество разделено на пять уровней: первый населяют бесправные «эпсилоны», так называемые черноротые, с которыми кто угодно может сделать что угодно. Второй уровень – «дельты», рабочие, полицейские и военные низких званий, чтобы убить их, человеку с высшего уровня нужно веское основание. Третий уровень – «гаммы»: офицеры, врачи, квалифицированные строители. Четвертый – «беты», высший офицерский состав, бомонд, управляющие корпораций. Пятый, самый верхний, – «альфы», аристократия. Подняться с уровня на уровень практически невозможно.

Здесь приносят в жертву самое дорогое: родителей и детей. Поклонение другим богам карается смертью. И никого не удивляют ни питомники, где для влиятельных заказчиков растят детей как инкубаторы для органов, ни реалити-шоу, где убивают по-настоящему.

Я – трикстер, дитя подземелий, существо вне правил и системы. Мой покровитель – Шахар, бог утренней зари. Нас можно расстреливать, сжигать заживо, травить газом. Последователи Ваала, живущие на верхних уровнях, не считают трикстеров людьми. Однажды я попал в плен, но меня

не убили, мне перепрошили сознание, и я получил программу, которая заставила меня вершить правосудие и рано или поздно должна была убить.

Я стал опасным для тех, кто мне дорог, и ушел из подземелий, чтобы найти того, кто деинсталлирует программу. Судьба свела меня с гемодом Рэем, и в его логове я познакомился с умирающим профессором, создателем программы и ее первым тестером. И оказалось, что я именно тот, под кого она создавалась: человек, способный силой воли прогибать реальность, и программа не убьет меня. Мало того, она одарит меня фантастическими способностями – но не сразу. Мне необходимо находить и наказывать преступников, чем больше я предотвратил преступлений, тем щедрее награды программы.

Потому я решаю с помощью Рэя, высококлассного спеца IT-технологий, подняться уровнем выше, занять место подходящего покойника и устроиться в полицию. Так я буду выполнять задания программы и становиться сильнее. Помимо того, что должен наказывать преступников, мне открылась возможность прокачиваться через сострадание. Ну и традиционные методы развития силы и ловкости никто не отменял.

По велению программы я отбиваю девушку Элиссу у самого Гамилькара Бозтарха. А он если не персона номер один, то точно в пятерке влиятельнейших людей мира. Программа, которая почему-то опознала Элиссу не сразу, подсказала,

что она из древнейшего рода Магонов. Ее хотели принести в жертву Ваалу, но мать выкрала девочку, дечипировала и вырастила здесь.

Перед тем как нападать на флаер премиум-класса, я спрятал лицо банданой, а вот девушка засветилась, и ее фотографии появились на каждом столбе, за наши головы предлагается миллион. Элиссу я оставил на попечение своей стаи. К тому времени на трикстеров начались такие гонения, что они вынуждены были выйти на поверхность и рассеяться среди нищих жителей первого уровня.

У Рэя получилось создать под меня фантомную личность, вживить мне чип, и я стал жителем второго уровня. Но оказалось, что, будучи полицейским, качаться еще сложнее, потому что многие из них завербованы преступными группировками, либо же офицеры эти группировки негласно возглавляют.

Выполняя задание программы, я нашел и обезвредил клинику, где проводились незаконные пересадки органов, и на меня объявила охоту преступная группировка братство Топора, куда входят не только криминальные элементы, но и офицеры.

Во время зачистки, стараясь помочь своей стае, я узнал, что трикстеры собираются сдать Элиссу за вознаграждение, отбил ее и отправил к новым союзникам со второго уровня – зороастрийцам Помпилиям. Девушка влюблена в меня, мы стали близки, и выяснилось, что она – воплощение боги-

ни Танит. Если бы ее забрал Боэтарх, он стал бы сущностью с божественными талантами – Белым Судьей. Но Танит выбрала меня, простого безродного, и одарила фантастическими умениями, которые мне еще предстоит развить. Теперь Белый Судья у культистов Ваала не появится никогда, и начнется глобальный передел сфер влияния и резня среди правящих миром пунийских родов.

Потому вместо того, чтобы затаиться, я, рискуя жизнью, пошел на обострение: дал интервью известной журналистке и запустил цепную реакцию: множество людей пришло в резонанс с моими мыслями и идеями.

Но этого недостаточно для того, чтобы сбросить диктат Ваала. Несколько раз меня пытались убить, и, понимая, что рано или поздно враги преуспеют, я подал заявку на участие в популярнейшем реалити-шоу «Выживи на Полигоне», где ко мне будет трудно подобраться киллеру. Но даже с божественными дарами я остаюсь простым смертным, и большинство участников «Полигона» превосходит меня, ведь это лучшие из лучших бойцов.

Выигравший получит миллион и гражданство на четвертом уровне. Проигравший – смерть, ведь там убивают по-настоящему.

Я снова оставляю тех, кого люблю. У меня один путь: победа или смерть!

Глава 1. Предварительный отбор

Раздается барабанная дробь. На тысячи голосов ревут трибуны. Луч прожектора бьет по глазам, и я на миг слепну.

– Дамы и господа! – грохочет над амфитеатром арены голос ринг-анонсера. – Наш следующий бой! Приветствуем героя Нового Кар-р-рфагена! Леонар-р-рд Тальпаллис! Это он, рискуя жизнью, вытаскивал детей из взорванного аэропорта! Это он предотвратил теракт в парке! Сможет ли он предотвратить свою смеррррть?

Ненадолго заткнувшись, трибуны снова ревут – из-под земли метрах в двадцати от меня поднимается мой соперник. Лучи прыгают к нему, выхватывают его безупречный мускулистый торс, скользят в сторону, и черная кожа сливается с темнотой.

– Имею честь представить Гарро Агамбу! – голос ведущего стихает, а трибуны не унимаются. – Этот человек не нуждается в представлении! Двукратный чемпион мира в боях на кулаках! Тяжеловес Гарро будет участвовать в нашем шоу! Да! – Рев трибун. – Громче приветствуйте героя! – Рев трибун.

Повезло так повезло, думаю я, изучая характеристики противника:

Гарроисмайде Мгн` Агамба, 26 лет.

Уровень 2, ступень 8, профессиональный гладиатор.

Физическое развитие: 14.

Духовное развитие: 13

Разворачиваю дополнительные характеристики:

Сила: 17

Ловкость: 11

Выносливость: 14.

Он равен мне. Я превосхожу его в ловкости (13), но уступаю в силе (15) и немного – выносливости (13). Но у него, в отличие от меня, колоссальный опыт спаррингов. А мне приходилось драться лишь в условиях, приближенным к боевым. Да к тому же выспаться после всех приключений мне так и не дали, что тоже может сыграть против меня.

– Поможет ли опыт Гарро победить там, где нужно бороться за ресурсы, и бьют не только в спину, но и в пах!

Гарро, как горилла, лупит себя кулаками в грудь, имитирует, что разрывает майку, издает нечеловеческий вопль и, набычившись тарашится на меня.

– Бой идет, пока один из соперников не будет мертв!

Впервые в жизни жалею, что не смотрел телек и не знаю, какова техника этого парня.

– Полицейский против дитя улиц! Свет против тьмы! Выстоит ли Тальпаллис, черная лошадка этого поединка? Леонард! Покажи, на что ты способен! Начали!

Это он-то дитя улиц? Ну-ну. Мысленно посылаю на хрен надрывающегося ринг-анонсера, концентрируюсь на сопернике.

– Я вышибу тебе мозги, – орет он, становится в стойку и рисуется, месит воздух перед собой, зрителям нравится, они поддерживают бойца аплодисментами. – Иди сюда! Давай, че, ссышь?

Все так же стою неподвижно. Имитируя удары, противник движется ко мне, и его силуэт очерчивается красным. Отстраненно думаю о том, что последние поединки будут проводить хромые побитые калеки, и на Полигон мы все отправимся потрепанными тяжелыми боями, а значит, выиграет не самый сильный, а самый целый.

Подпускаю Гарро поближе, чтобы провести анализ боевой ситуации, делаю обманный выпад и стремительно атакую серией ударов, но противник успевает закрыться. Отпрыгиваю раньше, чем он начинает атаковать.

Зрители радостно вопят. Ринг-анонсер комментирует каждый наш шаг, но стараюсь его не слушать.

Пританцовывая кружу вокруг Гарро, вызываю его на атаку, прощупываю защиту. Он соображает, что я его проверяю, и не ведется, а вскоре перенимает тактику и начинает прощупывать меня – очень аккуратно, не раскрываясь. Он правша, все время бьет руками, ноги не задействует, защита у него железная, реакция отменная. Хоть и показатели у него не очень, он техничен, в отличие от меня, и если ввяжусь в размен, точно огребу...

Вовремя замечаю, что он гонит меня к краю арены, чтобы зажать в углу. Выпад влево, обманный удар, пережат... Не

успеваю и пропускаю мощнейший по корпусу. Откатываюсь кувырком. Дышать тяжело, но адреналин глушит боль. Вскрываю и иду в размен, работаю ногами на близкой дистанции – стараюсь пробить бедро Гарро лоукиком, и это мне удается: противник начинает прихрамывать. Сам же замечаю, как внутри разливается расплавленный свинец, и хорошо, если у меня просто гематома, а не сломано ребро. Левая рука тоже, похоже, повреждена.

Кружим друг напротив друга. Проводим стремительные атаки, разбегаемся.

Пол под ногами вздрагивает, трибуны верещат подозрительно рьяно. Прислушиваюсь к ведущему:

– Втор-р-рой этап поединка! Покажите настоящий бой!

Середина арены устремляется вверх, и мы возносимся метров на десять. Теперь мы ограничены десятиметровой площадкой, а внизу из пола арены торчат метровые пики.

Гарро наступает, хищно скалясь, нанося короткие мощные удары. Я контратакую, подключаю лоукики, и наконец добиваюсь своего: противник падает на колени. Воодушевленный, замахиваюсь рукой, чтоб его добить, он неожиданно выскакивает на меня, я отбиваю удар в голову, пропускаю – по корпусу, в глазах темнеет, но я соображаю, что он все силы бросил, чтобы меня столкнуть, и вслепую луплю перед собой. Строчу, как пулемет. Мои удары однотипны, но один достигает цели, и Гарро отшатывается, а я вслепую продолжаю бить ногами, пока перед глазами не проясняется...

И получаю скользкий в висок. Мир раскалывается надвое. Передо мной два наступающих Гарро. Голос ринг-анонсера грохочет набатом, слов не разобрать. В таком состоянии мне точно не победить.

Сделаю, как Гарро. Сажусь на краю ринга, одну ногу поджав, вторую согнув в колене и притянув к груди – чтобы удобно было вскочить, трясу головой, делая вид, что не могу оправиться. Голоса зрителей, голос анонсера сливаются в грохот несущегося на меня товарного поезда.

Гарро уверен в победе, но он все равно не открывается. А я вскакиваю и ухожу влево, под выброшенный навстречу кулак, локтем бью Гарро в «солнышко», забегаю за спину и локтем же наношу удар в затылок, топчущим отбрасываю противника на край арены.

Анонсер смолкает, трибуны тоже. А когда, беспомощно взмахнув руками, словно собирается взлететь, Гарро падает вниз, на шипы – тишина взрывается многоголосым ревом, где различаются радостный визг и разочарованный свист – кто-то потерял свои денежки, поставив не на того.

– Это невероятно! – Отходит от шока ведущий, свет прожекторов падает на меня, пошатывающегося недалеко от края, и слепит непривыкшие к свету глаза. – Вы видели это? Шикарный обманный прием! Удар в спину! У этого парня есть шанс на что? Господа, на что есть шанс у Тальпаллиса? – Выжить на Полигоне! – в унисон грохочут зрители. Радости не испытываю. У меня начинается отходняк, по-

степенно проявляется боль от пропущенных ударов. Я смотрю вниз, где два нанизанных на пики тела сливаются в одно.

После поединка меня доставляют в медицинский бокс, где врач в белом костюме и маске сканирует меня и говорит:

– Ушибы есть. Переломов нет. Сотрясения мозга нет. Легко отделался. Я, если честно, болел за тебя. Спасибо, что не подвел. Сейчас вколю тебе регенератор с анестетиком – завтра будешь как новенький. Мазь вот, мажь ушибы почаще, и дня через три все пройдет.

Свешиваю ноги с кушетки, одеваюсь и думаю о том, что едва не поплатился из-за своего легкомыслия: не перегнал свободные очки характеристик в ловкость. Разделал бы Гарро в два счета и не огреб. Сегодня ночью обязательно надо это сделать.

А еще вертится мысль о том, насколько случайно мне достался очень сильный противник. Скорее всего его мне подсунули недоброжелатели, чтоб устранить меня чужими руками. В приемной я видел тех, что мне на один зуб. Просыпается паранойя.

После осмотра возвращаюсь в офисное здание и захожу в кабинет, чтобы подписать остальные документы.

– Леонард Тальпаллис, – представляюсь я, переводя взгляд с одной юной, очень ухоженной рекрутерши на другую и просматривая их с помощью программы.

Обеим тридцать, бездетные, культистки Ваала, обе с третьего уровня, блондинка равнодушна ко мне, русоволосая с

короткой стрижкой относится с симпатией. Вот последнее – очень хорошо. Если бы не программа, которая подсказывает, кто опасен, а кто нет, мне везде мерещились бы наемники из братства Топора, явившиеся по мою голову.

Обе поворачивают лица к мониторам, одна вбивает мое имя в поиске, находит его, кивает своим мыслям и поднимается, отдергивая узкую черную юбку.

– Идите за мной.

Мы покидаем офис и направляемся вглубь длинного светлого коридора, заканчивающегося аркой вместо двери, дальше темнее, и ничего не разглядеть.

Хоть женщина и старается держаться отстраненно, ее интерес чувствуется. Она замедляет шаг, спрашивает:

– Вы же тот самый? Который давал интервью?

– Да. Я это он.

– Удачи! Мы будем болеть за вас!

В середине коридора она распахивает дверь, и я вхожу в кабинет, больше напоминающий ангар: бетонная плитка на полу, вся в каких-то бурых потеках, высокий потолок, имитация светящихся окон. Дверь закрывается, но я откуда-то знаю, что русоволосая ждет снаружи, и это меня настораживает.

Замечаю стол в темном углу только тогда, когда сидящий за ним человек начинает подниматься. Этот амбал, размером с флаер тау-«синица», мяса на нем столько, что он не может поставить ноги вместе.

Грон Арбон, 31 год

Уровень 2, ступень 1, тренер-наставник

Физическое развитие: 14

Духовное развитие: 6

– Чего вылупился? – бурчит он, вразвалочку приближаясь ко мне, враждебности он не демонстрирует, и программа отображает равнодушие. Взгляд перемещается на потеки на полу. Понимание, что это, приходит одновременно с атакой Грона. Успеваю уклониться – кулак скользит в сантиметре от моего многострадального виска – и даже нанести серию взрывных ударов, от которых Грон лишь кривится. Протягивает руку вперед, словно так старается меня удержать, как набрасывающегося ребенка, и кричит:

– Алисс, годеи!

– Не охренели ли вы? – бросаю я. – Сегодняшнего боя разве недостаточно?

– Недостаточно, – ласково отвечает Грон. – Рекрут должен быть готов в каждый... момент... своей жизни!

Просматриваю физические характеристики Грона:

Сила: 19

Ловкость: 13

Выносливость: 11

Выхожу в коридор. Сопровождающая чуть ли не танцует от радости, что меня не отсеяли.

– Леонард... Я так переживала, но сказать ничего не могла. Верила, что ты справишься. То, что ты делаешь, это...

Уму непостижимо!

Спрашиваю то, что мне интереснее всего:

– Грон... Кто он?

– О, он боксер. Тоже участвовал в шоу, сошел с дистанции на середине пути. Не помню, что у него случилось. То ли топором его ударили, то ли пулю получил. Зрители проголосовали, чтобы его не убивали.

Одного взгляда на такую машину убийства достаточно, чтобы уверенность скисла и опустила крылья. При внушительных габаритах Грон должен быть медлительным, однако ловкость у него, какая была у меня на старте. Его удар проломил бы мне череп.

У меня есть очко характеристик, которое я распределяю в ловкость, и не хватает одного преступления, чтобы получить второй осколок Сферы познания и бонусы, которые мне так помогли бы! Надо было не идти сюда, пока не предотвращу еще преступление, кто знает, отпустят ли меня. Вдруг куда-то увезут или запрут?

В одном из кабинетов посреди коридора распаивается дверь, вылетает встрепанная женщина и, потрясая стопкой бумаг, кричит:

– Я просто сценарист! И не могу их заставить! Это какой-то беспредел!

Что ей ответили мужским голосом, не успеваю расслышать, меня приглашают в кабинет напротив, где я часа два провожу, подписывая документы, которых оказалось много

больше, чем говорилось в приложении.

Также выясняется, что жить нам предстоит далеко в горах в здании типа того, где был питомник трансплантологов, и с момента подписания договора выходить в зиккурат запрещается. Приплыли! Значит, я в полете, и недостающее очко характеристик не получить.

Открываю дверь, и на меня обрушивается оператор с камерой и тархтит:

– Дорогие зрители! Приветствуйте Леонарда Тальпаллиса! Это он вытаскивал детей из обрушенного аэропорта! Это он предотвратил теракт в парке и спас сотни жизней! Он нашел похищенных детей и обезвредил нелегальный питомник. – От напора оператора обалдеваю и лишь хлопаю глазами. – А сейчас он нам продемонстрирует свои таланты, ведь Леонард не только образцовый полицейский, но и отличный боец!

Оператор опускает камеру и подмигивает.

– Идем в спортзал, покажешь хомякам пару трюков.

Он разворачивается, чтобы уйти, но я останавливаю его.

– Включай камеру. Ничего я показывать не буду, просто скажу несколько фраз.

Оператор вскидывает бровь, чешет в затылке.

– Ну ладно. – И наводит объектив на меня.

– Я не клоун и не акробат, пусть другие вас развлекают. Я хочу сделать мир лучше. Обещаю разобраться с офицерами, которые покрывают братство Топора, и с его главарями.

И вы будете спать спокойно. – Сжимаю кулак. – Я пришел побеждать, и мы победим вместе!

Выключив камеру, оператор разочарованно спрашивает:

– Че, и все? У тебя есть две минуты. Другие плачут, что времени мало.

– Времени достаточно.

– Хомяки любят шоу!

– Сегодня у меня был бой – пусть смотрят, – объясняю я. – Будет им шоу. А противникам незачем знать, на что я способен.

В коридоре замечаю коротко стриженного блондина, вероятного участника. Просматриваю его характеристики:

Сила: 12

Ловкость: 13

Выносливость: 16

На что он рассчитывает? Загонять противника? Радует, что участвуют не одни монстры. И пятисекундное замедление, которое срабатывает раз в пять дней, мне уже доступно.

Словно ниоткуда появляется еще одна девушка в белой блузке и узкой черной юбке, с каре, жестом приглашает идти за ней.

– Надеюсь, ты успел попрощаться с близкими? – улыбается она.

– Нет, – отвечаю я и собираюсь попытаться ее уболтать, чтоб отпустила меня на несколько часов, но она говорит все с той же дежурной улыбкой:

– Жаль. Ты последний участник, все оставшиеся ждут только тебя. Вылет в течение двух часов, точно время сказать не могу. Идем, провожу тебя в столовую, ужин уже заканчивается.

В просторном помещении шесть столов, накрыт один. Уже знакомый мне блондин с оттопыренными красными ушами доедает красные ломтики какой-то фигни. Рядом с ним ест кряжистый мой потенциальный конкурент, жуя, ворочает огромной, как ящик комода, челюстью. Лоб у него скошенный и маленький, что наводит на мысль о его скудомии.

Оба скользят по мне взглядом, и на лицах читается облегчение. Да, я не выгляжу амбалом, но сейчас обманчивость внешности мне очень на руку. Кряжистого зовут Равим, показатели у него тоже весьма средние. Думаю, положил бы и одного, и второго. И опять возвращается мысль о подставе на арене.

Киваю им, занимаю свободное место... И едва не теряю челюсть: тут настоящие овощи! Вот это красное, порезанное дольками – вроде томат, желтые полоски – измельченный перец. Хлеб настоящий, пышный... Не сдержавшись, подношу к носу кусок. Он даже пахнет!

Но больше всего меня поражают сочные куски мяса. Из мяса я ел крысятину, голубей и как-то, когда еще был мальчишкой, кто-то притащил собаку. Моя тарелка пуста, я могу положить себе столько еды, сколько в меня влезет.

Тянусь к мясу и замечаю мелькнувший в коридоре силуэт, подсвеченный красным. Аппетит пропадает мгновенно. Трясу головой – может, от недосыпа всякое мерещится? Два рекрута заняты ужином и не обращают на меня внимания. Поднимаюсь, беру со стола столовый нож, верчу его в руках. Слишком тупой – и возвращаю на место. Как же хреново без огнестрела!

Миную арку, медленно двигаюсь по коридору, готовый к нападению. Значит, кто-то сливает инфу братству Топора. Замедляюсь там, где по моим прикидкам был враг. Читаю надписи на дверях справа: «Отдел маркетинга», «Отдел рекламы», «Отдел рекламы». Это где-то здесь.

Первый рекламный отдел – четыре стола, восемь сотрудников, все ко мне равнодушно. Второй – огромный зал, разделенный пластиковыми перегородками. Несколько монотонных голосов плюс натужное жужжание кулеров дополняют рабочую обстановку.

Захожу внутрь, мне нужно заглянуть за перегородку. Огибаю девушку, склонившуюся над столом коллеги. Она распрямляется и бросает в спину:

– Молодой человек, вы к кому?

Иду дальше. И вижу наемницу, сидящую за стулом рядом с сотрудницей, которая что-то рассказывает и увлеченно тычет пальцем в экран, раньше, чем она видит меня.

Иллона Скода, 34 года

Уровень 2, ступень 8, наемник

Та самая женщина, что была в аэропорту за несколько минут до теракта! От нее до меня три метра. Нас разделяют два стола. Дальше просмотреть не успеваю. Она ощущает мой взгляд, вскидывает голову, и скулы на сухом лице проступают еще четче. Она же была в аэропорту, точно это помню! Нужно попытаться взять ее живой.

Зафиксировано противоправное деяние!

Она понимает, зачем я здесь. Не вставая, выхватывает пистолет. Падаю, уходя с линии атаки, и скольжу вперед. Грохает выстрел из плазменного оружия, ближайший ко мне стол, служивший укрытием, разлетается.

У меня есть тридцать секунд, пока не зарядится ее пистолет.

Помещение взрывается девичьим визгом. Паникующие сотрудницы вскакивают и несутся к выходу. Высунувшись, хватаю освободившийся стул, бросаю в Иллону, отклоняюсь в сторону, потому что она открывает огонь из огнестрела. Между нами проносится вопящая девчонка с выпученными глазами, ловит шальную пулю и начинает заваливаться набок.

Все так же в движении ныряю за девчонку, хватаю другой перевернутый стул. Вскочив, обрушиваю его на киллершу. Но ошибаюсь: вместо того, чтобы уклоняться, она защищается левой рукой, а правую с пистолетом наводит на меня.

Отменная реакция спасает меня, и пуля слегка оцарапывает скулу. Удар стулом на пару мгновений дезориентирует

Иллону, бросаюсь на нее, нанося серию коротких ударов: рука с пистолетом, голова, кор.

Пистолет ей удержать не удастся, а вот удар она держит отменно и даже успевает заблокировать мой в «солнышко», пытается ответить, но силы неравны.

Валю ее на пол лицом вниз, заламываю руки, беру на боковой и шепчу в самое ухо:

– Кто тебя послал? Говори!

Она шипит, бешено вращает глазами, но все-таки не выдерживает.

– Гелибаал Ар...

Глаза ее стекленеют, на губах пузырится пена, перед тем как она теряет сознание, я озвучиваю имя, которое знал и раньше, имя человека, которого вместе с ней видел в аэропорту:

– Гелибаал Армадон.

Вокруг меня собираются охранники, в том числе уже знакомый амбал Грон, наводят на меня стволы. Иллона хрипит и бьется в конвульсиях, а я не понимаю, что с ней, и не встаю.

– Киллера обезвредил, – отвечаю Грону.

– Так уж и киллера! – говорят мужским писклявым голосом из-за спины. – Она к нам на работу устраиваться приходила!

– Просмотрим видеозаписи... – бурчит Грон.

Звонкий женский голос вносит панику и неразбериху:

– Зовите оператора! Макс! Макс, сюда, скорее, все про-

спишь! Такой сюжет!

Сосредоточиваюсь на пускающей пену киллерше и понимаю, что это она не придуривается, она реально собирается сдохнуть!

– Врача, срочно! – командую я.

И девчонки, столпившиеся у выхода, разбегаются. Раненую не вижу – или ушла, или уже унесли.

Иллона приняла какой-то яд, но когда она успела? Неужели еще до того, как я напал на нее? Последний раз дернувшись, Иллона затихает. Поворачиваю голову, мрачно смотрю в камеру подоспевшего оператора, рядом стоит сценаристка, которая визжала, когда я шел на проверку Грона, ее глаза сияют, она делает шаг ко мне и спрашивает:

– Что тут произошло?

– Узнал эту женщину, она была в аэропорту во время теракта и вела себя странно. Зашел проследить за ней, она меня тоже узнала и открыла огонь. За последнее время это третье покушение на меня.

– Из-за приюта? – интересуется она.

– Какие-то точно из-за приюта, но началось все раньше, когда я предотвратил теракт в парке.

– Вот он, настоящий герой! – сценаристка подходит ко мне, сидящему на корточках, хлопает по плечу и обращается к оператору: – Снял, да? Ну и отлично! Просмотри записи с видеокamer, смонтируй сюжет, и завтра же! А еще лучше сегодня – выкладывай на наш канал!

Сценаристка посмотрела на меня с любовью, как голодный – на булку. Программа показала ее полное равнодушие. Наверное, мой успех как-то отразится на ее зарплате.

Подбегают врач с медсестрой, пытаются реанимировать киллершу. Все охранники смотрят на поднимающего меня.

– Пойдем писать объяснительную, – говорит он.

– Хорошо. Но сперва я поем перед отлетом.

Грон собирается возразить, но его перебивает сценаристка:

– Действительно, дайте человеку поесть. Он не успеет. Сами напишете.

Топаю назад. Сердце еще колотится, в крови бурлит адреналин, в горле горячо. Мысли мечутся в голове, и только сев за стол, я вспоминаю о главном! Перед глазами появляется текст:

Ты получил второй осколок Сферы познания!

Соответственно, я смогу увеличить ловкость на две единицы, что повышает мои шансы на победу. Сейчас поем, и изучу новые возможности.

Только начинаю жевать – к столику подходит Грон.

– Вылет через двадцать минут. Через пять ты должен быть в офисе.

Киваю.

– Грон, будь другом, собери мне еду с собой, желательно две или три порции.

Здоровяк чешет в затылке, обалдев от такой наглости, но

мой тон безапелляционен, он кивает и направляется к столовой, бросая на ходу:

– Ладно.

Через пять минут, дожевывая на ходу кусок мяса, с пластиковым контейнером с едой бегу по коридору мимо офиса, где обезвредил Иллону, вслед за молодым раскачанным парнем вхожу в конференц-зал и занимаю свободное место с краю в пятом ряду. Первые два залеплены журналистами. Участников немного, насчитываю девять человек. Ближе всего ко мне вальяжно развалился мужчина с выбритыми, как и у меня, висками, оголенные мускулистые руки и даже пальцы покрывают татуировки в виде разноцветных переплетающихся змей, на стуле рядом высится набитый до отказа вещмешок, а я не взял даже сменное белье.

Фокусирую взгляд на соседе:

Надана Яскен, 27 лет

Уровень 2, ступень 6, гладиатор

Физическое развитие: 15

Духовное развитие: 4

Женщина? Приглядываюсь внимательнее: бледная кожа, цепкий взгляд, тонкие губы, правильный овал лица. Если не брать в расчет телосложение и представить длинные волосы, то да, женщина, и даже симпатичная. Любопытство толкает взгляд ниже, но под черным жилетом вижу бугрящуюся грудную мышцу, а не округлость женской груди.

Сила: 15

Ловкость: 15

Выносливость: 15

Ощувив мой взгляд, она поворачивается и говорит бархатистым голосом:

– Чего вылупился?

– Татуировки... Они что-то значат? – Судя по вскинутой брови, вопрос ее удивляет.

– Поверженных противников, – говорит она с гордостью и протягивает руку, обдавая меня густым табачным духом. – Надана. Видела тебя по телеку. – Она надувает пузырь из жвачки, он лопается. – Ты крутой.

– Не хотел бы оказаться с тобой на ринге, – улыбаюсь в ответ.

Включается проектор, и напротив стены появляется голограмма статусного темноволосого мужчины в золотистом костюме с геральдическими символами вместо погон. Лицо породистое, лет этому человеку может быть от двадцати пяти до шестидесяти.

– Приветствую идущих на смерть! – Он вскидывает кулак, рекруты отвечают тем же, я немного опаздываю. – Меня зовут Эйзер Гискон. – Он смолкает, пока гремят аплодисменты, скользит взглядом по собравшимся. – Сейчас вас переместят в чистилище, где вы пройдете первый этап отбора. Потом те, кому повезет... или не повезет, это уж как посмотреть, отправятся на Полигон. Личные вещи придется оставить здесь, всем необходимым вас обеспечат. А теперь – по

коням, мои гладиаторы! Да обратит Ваал свою милость на каждого из вас!

«Провались он в бездну», – мысленно отвечаю растаявшей голограмме и вслед за остальными участниками иду на погрузку во флаер, рукой закрывая глаза от вспышек фотоаппаратов.

Глава 2. Чистилище

В салоне гражданского «тау-голубя» шестнадцать посадочных мест: восемь с одной стороны, по четыре в ряду, и столько же с другой, плюс два места пилотов. Половина уже занята участниками – теми, кто выстоял в первом бою.

Наблюдаю за входящими. Потрепанными выглядят только двое: высокий мужик с расквашенным носом и подбитым глазом, и крепыш с квадратной челюстью, который сидел рядом за ужином, подволакивает ногу.

Сажусь в кресло возле иллюминатора, закрываю глаза. Действие анестетика кончилось, ноет ушибленное ребро, а башка так просто раскалывается, но я могу абстрагироваться от боли. Мне нужно изучить свои характеристики и понять, что я обретаю, получив второй осколок Сферы познания.

Сначала wpłyвает текст с возможностями, которые у меня были, новое выделяется более жирным шрифтом.

– Имя, фамилия, возраст; по запросу – сведения о детях и родителях.

– Уровень, ступень проживания (по рождению), фактический уровень и ступень проживания без точного адреса – по запросу.

– Основной вид деятельности; дополнительные виды деятельности + степень тяжести участия в противоправных действиях – по запросу.

– *Физическое развитие; по запросу – сила, ловкость, выносливость в цифровой конвертации.*

По запросу: вес, рост.

– *Духовное развитие; по запросу – религиозная принадлежность, пси-способности, интеллект.*

С получением второго осколка Сферы познания тебе доступна информация о заблокированных паранормальных способностях человека а так же Прикосновение Танит, позволяющее снимать блок.

Это что-то новенькое и интересное, но пока непонятно, как умение применять на практике, ведь я ничего заблокированного ни у кого не видел.

– *Прогноз поединка; по запросу – оптимальный вариант ведения боя.*

О, эта способность очень даже пригодится, только надо будет обкатать ее на практике до спарринга на арене.

– *Отношение. Без запроса – подсветка силуэта. По запросу – цифровая конвертация эмоций: ненависть (0–3), неприязнь (4–6), раздражение (7–9), равнодушие (10–12), интерес (13–15), симпатия (16–18), уважение (19–20).*

– *Здоровье в цифровой конвертации.*

По запросу – причины заболевания, прогноз на ближайшее будущее, пути устранения патологий (повреждений).

Вот это понятно: я смогу ставить диагнозы и давать рекомендации. А как лечить переломы, я знаю

без подсказок.

Максимальное значение в цифровой конвертации – 20.

*Доступно свободных очков характеристик – 2.
Распределить?*

Помня, как в прошлый раз я чуть не сдох от голода, откладываю на вечер...

– Привет еще раз, – мурлычут бархатным голосом, и я открываю глаза. – Не помешаю?

Надо мной возвышается гладиатор Надана Яскен. Мысленно делаю дополнительный запрос и получаю дополнение к ее характеристикам, которые видел раньше:

Рост: 193 см.

Вес: 94 кг.

Киваю на свободное сиденье и продолжаю обкатывать новые возможности, мне не терпится узнать, что у нее за заблокированные способности. Программа откликается на запрос и открывает мне странное: фигура гладиаторши окутывается зеленовато-желтым свечением с вкраплениями красного и коричневого, от ее макушки вверх бьет столб оранжевого света и упирается в некое подобие темного фильтра. Из фильтра выходит белесый жгут наподобие пуповины, светлеет и истаивает в пространстве. Куда он тянется, я не вижу, просто знаю, что это так. Всплывает текст:

Заблокированные способности: телепатия (предел развития способности – 8).

Разблокировать?

Внимание! Обладателю второго осколка Сферы познания доступно применение способности не более одного раза в 2 суток.

– Чего ты так тарацишься? – поводя плечами, спрашивает Надана.

– Давай поспаррингуемся, – предлагаю я. – У меня мало практики боев на арене, я же обычный коп.

Теперь она смотрит пристально.

– Не, я лучше приберегу силы... Хотя хрен с тобой. Только завтра, лады? – Она снова лопаает пузырь жвачки, протягивает руку, пожимаю ее.

Гигантский зиккурат, вершина которого высилась над горами, исчезает из виду. Теперь его обозначает лишь световое пятно вдалеке, отражающееся от туч. В салоне светло, а за иллюминаторами чернота, как я ни силюсь разглядеть пейзаж. Изредка мелькают россыпи огней ферм да проплывают огоньки редких флаеров.

От монотонного гула моторов глаза слипаются сами собой, я даже ненадолго вырубаюсь и оказываюсь на пороге дома Помпилиев, где обнимаю Элиссу.

Пробуждаюсь от толчка, флаер уже приземлился. Щемящая пустота в душе заполняется событиями. За иллюминатором – площадь, залитая золотым светом фонарей, где припарковано с десятков флаеров, дальше – длинное пятиэтажное здание со светящимися стеклами. Из входа к нам направ-

ляется процессия, в воздухе сверкают огоньки дронов.

– Добро пожаловать в Чистилище, смерртники! – грохочут динамики голосом ринг-анонсера. – Пожалуйте на выход!

Мы с Наданой выходим последними. Судя по ее потерявшему виду, по тому, как она на улице разглядывает каждый столб, ей неизвестно, что будет дальше.

– Правила каждый раз меняются, – говорит она, будто прочтя мои мысли. – Условия – тоже. Чаще участники просто жрут и дерутся на арене, но иногда прям в Чистилище начинается мясо. Жопа чувствует, что так и будет.

Дроны над нами ведут трансляцию, то взмывают, то опускаются, щелкают фотоаппараты, носятся операторы с камерами. За вторым пилотом мы входим в здание и останавливаемся в длинном коридоре, из правого крыла доносится гул, вдалеке толпится народ, и мы направляемся туда, усаживаемся в зал, набитый участниками, их тут много, точно больше двухсот.

Рекруты скучают – по второму и третьему кругу прослушивают правила, которые мы и так читали, когда подписывали документы. Нудные моменты чередуются с трансляцией самых ярких фрагментов минувших битв, в одном из эпизодов узнаю себя, вижу падающего на шипы моего темнокожего противника.

– Это ж ты! – Сидящая рядом Надана вскакивает, тычет пальцем в экран, и тут вырубает свет.

По залу прокатывается ропот, издали доносится сочный бас:

– Что за нахрен?

Крошечные окошки дают достаточно света, чтобы рассмотреть силуэты вдаль и лица сидящих рядом со мной, но мало кто может видеть в темноте, и большинство собравшихся просто слепо озирается. Издали доносится хрип, кто-то вскрикивает и смолкает.

Включившийся свет бьет по глазам, я на миг слепну, а когда зрение возвращается, на экране появляется прошлогодний победитель Блейм в костюме римского гладиатора. Руки на груди скрещены, глаза горят, ветер колышет перья шлема с гребнем в форме полумесяца.

– Пр-риветствую вас в Чистилище, смер-ртники! Игра на вылет началась. Сегодня будет ночь ножей, выживут не все!

Мимо нас проносят участника с перерезанным горлом. Как мухи над падалью, над ним кружат дроны. Блейм продолжает:

– Среди вас есть десять наемников, которые ночью выйдут на охоту. Не надейтесь на мнимых союзников, никто не гарантирует, что они не прикончат вас, пока вы спите. – Он потрясает над головой сцепленными в замок руками. – Желаю вам выжить на Полигоне! И да обратит Ваал свою милость на каждого из вас!

Изображение гаснет. Механический голос велит нам разбиваться на десятки и следовать за дроном, который прово-

дит нас в спальни. Мы с Наданой так и держимся вместе, изредка она останавливает на мне задумчивый взгляд, будто пытается выяснить, не я ли крот.

В нашей группе оказываются три монголоида, два смуглокожих парня, совсем юный пугливый боксер и два наемника. Программа никого из них не выделила красным, а значит, потенциальных убийц среди них нет. Хотя не исключено, что они проявятся, когда появится намерение.

Смотрю на соседнюю группу и обалдеваю: там целых три крота, и они таки выделены красным! И это хорошо: в нашей группе опасаться некого, и можно будет поспать.

Дрон приводит нас в просторную комнату с пятью двухэтажными кроватями, выстроенными рядком, за двумя раскрытыми дверями – душ и туалет. На каждой кровати – распечатка с именем и сложенная стопкой одежда: борцовка и просторные штаны с множеством карманов.

Перебирая ее, мои новые соседи глядят друг на друга исподлобья, в воздухе звенит напряжение. Кажется, еще немного, и мы начнем убивать друг друга. Провожу взглядом по стенам, потолку и нахожу четыре камеры, замаскированные под сигнализацию пожарной безопасности. Программа показывает мне еще восемь штук в кроватях, стене и полу.

Бросаю тормозок с едой на свою кровать, нижнюю в середине, Надана забирает вещи с нижней крайней полки и просит молодого боксера, который надо мной, – бледного, лысого, с бесцветными глазами, – поменяться местами. Тот от-

казывается, видимо, смекнув, что я безопасен.

Сегодняшней ночью мне кровь из носу нужно распределить свободные очки, а в такой атмосфере это невозможно. Перекинув полотенце через плечо, направляюсь в душ и слышу шепот:

– Че-то он спокойный какой-то. Мож, это он и есть?

Отвечаю из душа:

– Мне проще думать, что в нашей десятке нет наемных убийц.

– С чьего ты взял? – с акцентом спрашивает кто-то из азиатов.

– Потому что они, скорее всего, работают парами и тройками, чтоб прикрыть подельника, а среди нас более-менее сработаны только я и Надана.

– Ну и что, – не унимается первый вопрошающий. – Ваше ни разу не аргумент!

Нет никакого желания что-то им доказывать, и я включаю воду, но когда выхожу из душа, все мои соседи, включая Надану, смотрят на меня, как... Как заблудившиеся дети на взрослого, они готовы поверить в любую чушь, лишь бы успокоиться.

– Не аргумент, – качает головой молодой индус.

А теперь надо их успокоить и не показать, что я вижу гораздо больше, чем они. Пожимаю плечами.

– Чего вы от меня хотите? Я просто умею читать жесты и понимать, что говорят ваши тела. Так вот, среди нас нет

тех, кто что-то скрывает. Потому я намерен выпастись, а вам советую дежурить у двери.

– Стопудово это ты и есть! – бросает мне в спину индус.

Хрен с ними. Пусть считают так – будут лучше меня охранять ночью.

Повернувшись спиной к соседям, я закрываю глаза, но засыпаю не сразу – ноет ушибленный бок, стреляет в голову. Представляю, как сейчас камеры транслируют страсти, бурлящие в спальнях, где все отчаянно пытаются вычислить убийц. Наверное, где-то кого-то бьют, возможно, бьют не того. Я бы мог вывести наемных убийц на чистую воду, но сложно будет объяснить, как я догадался, кто преступник... Преступник! А ведь неплохо было бы...

Не спать! У меня есть два свободных очка характеристик.

Распределить?

Рекомендуется распределять свободные очки характеристик поэтапно. При этом вам необходимо перед перераспределением ресурсов организма:

– Провести в состоянии сна не менее 10 часов (при распределении 1 очка – 5).

– Съесть белковую пищу энергетической ценностью не менее 1500 ккал (при распределении 1 очка – 750).

При наличии травм, заболеваний, повреждений после перераспределения ресурсов организм будет полностью восстановлен.

Меня озаряет догадка, от которой перехотелось спать. Организм будет полностью восстановлен! Неизвестно, что бу-

дет ждать на Полигоне, потому одно очко нужно придержать. Если вдруг там меня серьезно ранят, то, распределяя очки, я полностью излечусь.

Не боясь выглядеть странным, открываю контейнер, лежа съедаю жирный кусок мяса и лишь потом позволяю себе заснуть.

А просыпаюсь на рассвете, чувствуя себя превосходно. Башка не болит, ребра не ноют. Ощупываю лицо... Даже царапина на щеке затянулась. Потягиваясь, встаю с кровати, ловлю удивленные взгляды азиата и индуса. Не доверяя никому, соседи решили дежурить парами.

Остальные тоже повскакивали, лица у всех помятые, перекосенные.

– Молодцы, – говорю я. – Теперь вареными пойдете на спарринги.

– Этой ночью никто не спал, – хрипит Надана. – Ты в натуре уверен, что прав? Что среди нас нет...

– Среди нас – нет, – говорю без тени сомнений. – А вот в группе, что шла впереди – три крота.

Из динамиков в стенах доносится гудок.

– Подъем, смер-ртники! – орет чемпион Блейм. – Что я вам хочу сказать? Стоит ли рисковать ради теплого места на втором уровне? Да! Вкусная жратва, деньги, какие угодно бабы! Никто не ответит иначе, потому что мертвые молчат! Сегодня двадцать рекрутов не проснулось! Поздравляю выживших! А теперь – на завтрак!

Поворачиваюсь к Надане.

– Ты обещала спарринг.

– Иди ты, – кривится она. – Спать хочу. Давай так: ты два часа охраняешь, пока я дрыхну, а потом будет тебе спарринг.

– Сперва надо поесть, – говорю я, одеваясь.

Надана спрыгивает, поворачивается спиной к стене, стягивает футболку и надевает борцовку, наклоняется, натягивает штаны, ворчит, что они на размер велики, а пояса нет. Индус, шлепающий в душ, аж зависает, лицезрея ее мускулистый зад. Из всех нас Надана самая высокая и раскачанная. Почувствовав взгляд, она оборачивается.

Сглотнув, индус бормочет с легким акцентом, жестами изображая грудь:

– Ты это... Баба, что ли?

– Нет. А ты? – Она делает злобное лицо, но искры, пляшущие в ее зеленых глазах, говорят о том, что происходящее ее развлекает.

Индус мотает головой, словно увидел привидение. Надана продолжает, обведя взглядом присутствующих, которые тоже замерли, как индус:

– Меня зовут Надана, да, я женщина. И если еще услышу слово «баба», бабой станет тот, кто это ляпнул. Усекли? – Она бросает в рот жвачку.

Прокатывается гудок, и в полу загораются красные стрелки, указывающие нам путь.

В столовой шумно, как в производственном цеху. Гремит

посуда, гудят, мрачно переглядываясь, рекруты. Все скромно: длинные пластиковые столы и скамьи, на столах – кастрюли с едой, каждый себе накладывает сам. Свободных мест еще много, мы с Наданой садимся за крайний у стены, остальные соседи по комнате подтягиваются к нам.

На завтрак непонятная каша – точно что-то натуральное, и странное душистое мясо, которое тает во рту. Ничего подобного я раньше не ел. Фокусирую взгляд на своей полной тарелке, и система выдает:

Крупа ячневая вареная – 97 % (исходный продукт – ячмень).

Масло сливочное – 3 %.

Энергетическая ценность блюда – 374 ккал/100 гр.

Печень куриная – 96 %

Масло подсолнечное – 2,5 %

Лук репчатый – 1 %

Морковь – 1,5 %

Энергетическая ценность блюда – 173 ккал/100 гр.

Натуральная еда, обалдеть! Просыпается зверский голод, но не спешу завтракать: оглядываю толпу в поисках кротов, нахожу троих вдалеке, они завтракают вместе. Слишком далеко, и программа их не идентифицирует, просто выделяет красным.

Снова гудит сигнал, ведущий предупреждает, что через минуту всем следует быть в столовой, на завтрак нам выделено десять минут. Успеваю проглотить несколько ложек еды,

и створки двери в столовую захлопываются. В воздухе на фоне белой стены появляется голограмма ведущего Блейма, победителя прошлого года. На нем все так же костюм римского гладиатора.

– Смер-р-ртники, – грохочет он. – Слушайте, что вам уготовано! Ночь ножей продолжается, следите за каждым, ибо не знаете вы, кто тайный враг. Ровно в двенадцать вам следует прибыть на погрузку, вас ждет бой н арене. Для многих он станет последним. И да обратит Ваал свою милость на каждого из вас!

Мысленно посылаю его в бездну. С наслаждением прикалываю огромную тарелку еды, кладу немного добавки, окидываю взглядом столовую, давая запрос программе, чтоб показала мне камеры, – потолок, стены, пол и даже столы вспыхивают зелеными кругами. Ближайшая камера находится в светильнике прямо возле моего лица. Интересно, в туалете нас тоже снимают? Неприятно чувствовать себя крысой в стеклянном лабиринте.

– Выходит, у нас свободное время до двенадцати? – задаю риторический вопрос, в ответ Надана зевает. – Сейчас полдевятого, два часа спишь, потом спарринг?

Женщина кивает, соседи смотрят на меня, как на придурка – перед смертью не натренируешься, а силы надо экономить. Это им, а мне желательно бы выносливость на единицу поднять, мне до четырнадцати осталось всего ничего. И протестировать, что дала распределенная в ловкость едини-

ца характеристик.

Охранников и сопровождающих с нами больше нет, как пауки в банке, мы предоставлены себе. Зато при выходе обнаруживаю голографическую схему здания, изучаю ее. Спортзала тут нет, значит, придется прокачиваться доступными способами во дворе.

Надана соглашается. В коридоре столпотворение – не пройти, над матерящимися рекрутами, сбившимися в кучу, роятся дроны.

– О, ща начнется замес, – говорит Надана со скучающим видом.

Некто, скрытый толпой, орет:

– Я те клянусь! Ночью он по комнатам шарился, и я точно видел у него нож!

– Иди ты на хрен! Какой нож? Вы обалдели все? – огрызается тот, кого назначили жертвой.

– Ну, точняк, – кивает Надана, и ее глаза загораются, как у почуявшего кровь хищника.

– В натуре он странный какой-то, – поддерживает агрессора кто-то.

Зафиксировано противоправное деяние!

Мать же твою растак! Как же программа поведет себя на Полигоне? Где каждый враг и все против всех? Если она по-прежнему будет наказывать меня за агрессию и неисполнение приказов, это вешалка, и правильнее слиться сейчас.

– А ну р-разойтись! – ору я что есть сил.

Удивительно, но толпа затихает, все оборачиваются ко мне. Надане происходящее не нравится, и она шепчет:

– Ну ты че, блин? Оно тебе надо?

– Стой здесь, – велю я и, расталкивая зевак, пробираюсь в сердце конфликта.

У стены, приняв оборонительную стойку, набылчился невысокий раскачанный парень:

Лексиус Рокш, 26 лет

Уровень 2, ступень 8, программист

Физическое развитие: 16

Духовное развитие: 7

А вот наседает на него крайне любопытный экземпляр – высокий расхристанный парень с дредами и мордой, зеленой от татуировок. Силуэт этого второго обведен красной окантовкой.

Вейлар Сципион, 28 лет

Уровень 2, ступень 3, наемник

Физическое развитие: 14

Духовное развитие: 6

– Что тут происходит? – Я верчу головой по сторонам, останавливаю взгляд на жертве. – Лекс?

Парень широко распахивает раскосые глаза, разевает рот, но быстро берет себя в руки. Наемник не сбавляет напора:

– Да вот крота нашел. Видел его ночью с ножом.

– Пореша его, Вэй, – кричат из толпы. – Я тоже видел!

Второй провокатор, слегка обрюзгший лысый здоровяк,

похожий на жабу, тоже «красный».

Разворачиваюсь к толпе и вижу пробирающуюся сюда Надану.

– Ты звездишь, – обращаюсь к татуированному. – Я его знаю, он свой.

Вэй растерянно вертит головой, спохватывается и удваивает напор.

– Ты ваще кто такой, а? Хрен с горы? Ты с ним не заодно ли? Знаю, вы друг друга прикрываете.

Киваю и спокойно продолжаю:

– Мое имя Леонард Тальпаллис. Тебе, может, оно ни о чем не говорит, но остальным...

– Валим кротов! – орет жаба и устремляется к нам, но Надана берет его на удушающий и скалится:

– Лео свой, а вот тебя бы я допросила и этого длинного. Как думаете? – она обращается ко всем. – Давайте их обыщем, допросим и выясним, кто прав?

Жаба трепыхается и пытается дотянуться до лица Наданы, но она его намного выше, он брыкается все меньше и наконец обмякает. Гладиаторша бросает его на пол. Вейлар жметя к стене – толпа больше не благосклонна к нему. Но и меня принимают не особо дружелюбно.

– Вот и я говорю, что меня оболгали! – В голосе Лексиуса появляется уверенность.

Все складывается хорошо, не буду мучить Надану, обка-таю новые возможности на наемнике. Шагаю к татуирован-

ному, делаю запрос на анализ его характеристик и прогноз боя. Наемник набычивается, сжимает кулаки.

– Тальпаллис... Сколько они тебе заплатили, чтоб ты продал своих и резал глотки спящим рекрутам?

– Думаю, ты это знаешь лучше.

Лексиус и Надана становятся рядом со мной напротив наемника. Он сплевывает под ноги, ноздри его раздуваются. Толпа подается назад. Над нами с жужжанием кружатся дроны.

– Не ожидал, что тебя так быстро раскроют? – улыбаюсь я. – Лекс, Надана, отойдите, я справлюсь.

Меня радуют его характеристики и вердикт системы:

Физическое развитие: 14.

Сила: 14.

Ловкость: 13.

Вьносливость: 15.

Прогноз поединка: победа – 75 %.

Предлагаемая тактика: натиск.

– Неужели вы будете просто стоять и наблюдать, как наших бьют? – обращается Вейлар к толпе, в его голосе больше нет уверенности.

– Да хрен вас разберешь, – отвечают ему.

Противник высок, а значит, нужно рвать дистанцию и сразу же идти в размен, я намного сильнее Вейлара. Но и он не дохляк, и если огребу от него, то на арене придется несладко...

– Немедленно прекратить потасовку! – прокатывается по коридору голос ведущего. – Не забывайте, что у нас ночь ножей, а не день! У вас есть десять секунд, чтобы разойтись.

Надана разводит руками:

– Вот вам доказательство, что этот хрен крот! Били бы Лекса – всем было бы пох. А так...

– Десять секунд на то, чтобы разойтись! – грохочет ведущий. – Кто не подчинится, будет дисквалифицирован! Десять, девять, восемь...

Толпа начинает нехотя расходиться, спотыкаясь о тело второго наемника, придушенного Наданой. Судя по вздымающейся грудной клетке – придушенного не насмерть.

Разворачиваюсь и иду прочь, Надана шагает следом, на ее лице безмолвный вопрос. Лексиус топает за нами. Забегает вперед и говорит:

– Спасибо, Леонард. Откуда ты меня знаешь?

Кошусь на летящий за нами дрон и отвечаю:

– Неважно. Но согласись, Лекс, это неплохо?

– Понятно! Из игры! Еще раз спасибо.

Хрен знает, что за игра. Уже у лестничной клетки чувствую недобрый взгляд, оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с наемником Вейларом. Он делает вид, что ничего не случилось, но его глаза говорят: «Ночью я выпущу из тебя кишки».

Интерлюдия. Элисса

Последние два дня Элисса всматривалась в экран, надеясь и одновременно боясь увидеть Леона среди сотен участников реалити-шоу.

Говорили, что «Полигон» транслируется онлайн, но Тевуртий Помпилий уверял, что это не так: ролики с самопрезентациями участников, как и бои на арене, обработаны, смонтированы и лишь потом пущены в эфир. То есть все уже случилось, и переживать бессмысленно, но она не могла иначе.

На экране сменялись рекруты, творившие невысказанные вещи, и чем больше Элисса просматривала роликов, тем тревожнее становилось на душе. Все эти люди прошли жесточайший отбор, они сильны, ловки, бесстрашны и не боятся убивать, а он там один... Выстоит ли?

Бессилие сводило ее с ума. Она мерила шагами комнату и беспрестанно молилась Танит, ведь больше ничем не могла ему помочь.

Шоу шло круглосуточно. Сперва показывали презентации одного и второго соперника, а потом – их бой. Элисса не переносила вид крови, а столько, сколько ее пролилось на арене сегодня, она не видела никогда. Рекруты ломали друг другу носы, ребра, руки, сбрасывали противников на пики. Сцепившись, рвали друг друга зубами, как звери, а Элисса за-

крыв глаза, сжималась в комок. Иногда выбегала, чтобы попить воды – бледная, встрепанная.

Тевуртий тоже не спал, его тревожило состояние девушки, она полностью растворилась в Леоне. Такова участь избранных великих мужчин: ждать, надеяться и ловить редкие мгновения счастья. Надо сказать, не самая завидная участь.

Когда себя рекламировал огромный эфиоп: скалился, рычал, размахивал гигантскими кулаками, было уже три часа ночи, девушка смотрела сквозь экран и молилась, чтобы Леону достался не этот соперник, уж очень он устрашающе выглядит. Но Танит не услышала ее молитвы, а если и услышала, не смогла предотвратить неизбежное: следующим объявили Леона.

По позвоночнику прокатилась волна жара. Девушка моргнула и, побледнев, вперилась в экран. Мгновение – и вот она, ревушая арена. Из-под земли на лифте поднимается Леон, его выхватывают лучи прожекторов, камера приближает такое родное лицо. Он спокоен и сосредоточенно смотрит как будто бы на Элиссу. Точно так же из-под земли поднимается эфиоп, идет к неподвижному Леону.

Нет, она не в силах этого пережить, и зажмуривается. В голове пульсирует рев трибун и крики комментатора, угрозы эфиопа, который в полтора раза больше Леона.

Элисса вскакивает, сердце бешено колотится в груди. Она отдала бы жизнь, чтобы помочь Леону. Начинается бой – сперва соперники неторопливо обмениваются ударами, а по-

том... Она снова зажмуривается, не заметив, что прокусила губу.

Новый рев арен заставляет открыть глаза: Леон пропускает удар и падает на колени. Радостно скалясь, эфиоп бросается к нему, чтобы сбросить с высоты на острые пики...

С криком Элисса выбегает из комнаты, ее ловит Тевуртий – не замечая того, она кричала и раньше. Из распахнутой двери доносится рев зрителей, девушка, рыдая, зажимает уши и старик думает, что случилось непоправимое, но доносится голос ринг-анонсера:

– Это невероятно! Вы видели? Шикарный обманный прием! Удар в спину! У этого парня есть шанс на что? Господа, на что есть шанс у Тальпаллиса?

– Выжить на Полигоне! – в унисон грохочут зрители.

Тевуртий встряхивает рыдающую Элиссу, отводит ее руки от лица.

– Он победил! Все хорошо.

Элиссе хочется обнять Леона, но есть только Тевуртий, и она сжимает его в объятиях. И они вдвоем идут в комнату девушки, садятся перед висящим на стене монитором, где Леон глядит на соперника, сброшенного на пики. Ему тоже досталось, и он пошатывается. Тевуртий качает головой и думает, что он еще не готов к таким испытаниям, слишком серьезные соперники, надо было его отговорить. Но сейчас уже ничего не сделаешь.

Элисса улыбается, размазывая слезы по щекам, и бормо-

чет:

– Это невыносимо, но я не могу не смотреть, мне надо знать, как он там.

Она ложится на диван, кладет голову на колени Тевуртия, и он пытается ее успокоить:

– Леон умеет больше, чем любой из ныне живущих, и он выиграет.

– Неважно! Только бы он остался жив!

Девушка засыпает, а Тевуртий продолжает смотреть шоу и не спит до утра, потому что ведущий объявляет о ночи ножей, и начинается трансляция из спален участников. Здесь можно не волноваться – Леон без труда определит врага, главное, чтобы врагом не сделали его самого.

Чистилищ пять, и находятся они на пяти материках. В каждом по двести рекрутов. После ночной резни и боев на арене пятьсот с небольшим человек отсеется. Второй бой срежет еще двести пятьдесят. Итого испытуемым предстоит три боя. Сотня самых сильных бойцов отправится на Полигон, что это за локация, организаторы еще не объявляли. Никто так же не знает, будет ли у них хотя бы неделя на восстановление после боев. В трех последних сезонах рекрутов разделяли и давали им передохнуть, четыре года назад сразу повезли на Полигон.

Предыдущая игра прошла на тропическом острове, кишашем гадами и завезенными туда хищниками. Предпредыдущая – где-то в Тунисе среди разрушенных пирамид. Уже

всего пришлось участникам три сезона назад, они выживали в ледяной пустыне Гималаев, тогда половина рекрутов умерла от холода.

Он переводит взгляд на спящую Элиссу и задается вопросом, кому труднее: Леону или влюбленной в него девушке, которая наблюдает, как он ходит по лезвию.

Просыпается Элисса в час дня и сразу же бросается к монитору. Тевуртий присоединяется к ней. Сегодня Леон часто мелькал на экране, он устроил потасовку, отбил парня у вероятных наемных убийц и обзавелся врагами, этого Элиссе знать не стоит.

В этот раз перед боем появляется бегущая строка с именами противников, Леон бьется в пять вечера. Элисса садится на диван, поджав ноги, начинает грызть съеденные под корень ногти. Первым из-под земли поднимается его противник – невысокий азиат с косой, вертится волчком, прыгает через голову, делает сальто и колесо, садится на шпагат.

– Встречайте! Перед вами несравненный Ли Чонг! – ревет ринг-анонсер. – Основатель собственной школы ВиСи! С ним будет биться Леонард Тальпаллис! Победитель грозного Гарро Агамбы! – Трибуны рукоплещут и воют.

Тевуртий обнимает сжавшуюся Элиссу.

– Не переживай, это клоун. Предыдущий противник был куда серьезнее.

Медленно поднимается лифт с Леоном, он вскидывает руки над головой, приветствуя публику. Поворачиваясь вокруг

своей оси, он припадает на правую ногу. На нем, как и на азиатке, – борцовка и свободные штаны цвета хаки. Леон не внушает страх – обычный спортивный парень, и хорошо, что его внешность обманчива.

– Темная лошадка этого сезона! Докажет ли Леонард, что его победа не была случайностью? Восстановился ли он после сложнейшего боя?

– Он ранен? – шепчет Элисса.

Тевуртий пропускает вопрос мимо ушей. Вполне возможно, что да, и это осложняет бой. Взглядом профессионала он оценивает бойцов: преимущество Леона в росте, ему лучше работать на длинной дистанции. Бои ВиСи – полная ерунда и показуха, чудовищный гибрид восточных единоборств и кулачного боя. Однако основатель направления должен ориентироваться в обоих направлениях и быть натасканным.

Звучит гонг, Леон становится в классическую стойку боксера. Его противнику плевать на условности, он танцует вокруг, исполняя акробатические трюки.

– Сказал же, кло...

Азиат бросается в атаку и едва успевает уклониться от прямого в голову. Следующий удар Леона не достигает цели – азиат отскакивает. Противнику мало урока, и он прет напролом, руки его напоминают мельничные жернова, но Леон, хоть и хромает, успевает разорвать дистанцию и встречает его топчущим в грудь.

Ли Чонг отлетает в сторону, вскакивает и как ни в чем не

бывало продолжает бой, вертится вокруг Леона и даже пару раз достает его. Элисса всхлипывает каждый раз, когда он пропускает удар.

Яростная атака – отскок, атака – отскок. На фоне верткого азиата Леон выглядит неповоротливым увальнем, вчера он был гораздо живее. Видимо, нога у него повреждена серьезно. Хоть удары Чонга не доставляют ему видимых проблем, но они накапливаются и дадут о себе знать к концу поединка.

Первый раунд заканчивается ничьей, начинается второй, и площадка четыре на четыре метра возносится над ареной на стальных опорах, а внизу вместо пик, разбрасывая песок, медленно поднимаются стальные вращающиеся диски.

– Мамочки, – шепчет Элисса, прижимается к Тевуртию.

– Не смотри. Леон должен выиграть, – говорит он без особой уверенности, – но ты все равно не смотри!

Снова гонг, и бой продолжается. Леон едва успевает отбиваться от яростных атак, пропускает удары, а потом вдруг его хромота проходит, он подбирается и контратакует, причем четко держит выгодную для него дистанцию, отбивает удары ногами, пытаясь отогнать азиата к краю арены.

А дальше происходит невиданное: Чонг молниеносно атакует в прыжке, но Леон успевает уклониться, хватает его за выставленную вперед ногу, придает ускорение и наносит сокрушительные удары в спину и затылок. Азиат отлетает в сторону, скатывается к краю арены и лежит неподвижно.

– Все хорошо, он победил, – говорит Тевуртий Элиссе,

уткнувшейся лицом в подушку.

– Добей! Добей! – скандирует толпа.

Камера приближает лицо Чонга: глазные яблоки дрожат, из разбитого носа капает кровь. Перескакивает на Леона, стоящего в центре арены, его волосы всклокочены, лицо блещит от пота, он смотрит в объектив и говорит:

– Я полицейский, мое дело – спасти жизни, а не отбирать их.

Но лишать народ зрелища нельзя: площадка вздрагивает на опорах, накреняется – Леон едва успевает сгруппироваться, чтоб не упасть. Тело Чонга летит вниз, камера его сопровождает, чтобы в красках показать момент, как он падает на диски, и в стороны разлетаются окровавленные ошметки плоти. Один такой шлепается на объектив, и кажется, что на экран изнутри брызгает кровью – даже привычный ко всему Тевуртий отшатывается.

– Не смотри, – говорит он Элиссе, кладет ладонь ей на затылок и прижимает голову к подушке.

И оттуда, из-под кровавых потеков прорывается радостный голос ведущего:

– Аплодируем Леонарду! Магистру вероломного боя!

В правом углу экрана светятся шкалы рейтинга, верхняя, принадлежавшая Чонгу, гаснет, зеленая полоска рейтинга Леона ползет вверх, но цифры близорукому Тевуртию не рассмотреть.

– Уже можно? – спрашивает девушка и поднимается, не

дожидаясь ответа.

На ее губах играет робкая улыбка, она с гордостью и благоговением смотрит на отдаляющуюся фигуру Леона.

– У него остался последний бой. Спасибо тебе, Танит!

Тевуртий понимает, что радоваться рано. Помимо боя, Леону нужно пережить ночь, наверняка тот татуированный верзила попытается отвести от себя подозрение и подставить Леона. Да и само испытание на Полигоне смертельно опасно.

Глава 3. Один-один

После сегодняшнего поединка с более слабым соперником моя паранойя притихает. Значит, в первый раз мне просто не повезло, происки Братства топора тут ни при чем. Но расслабляться все равно не стоит, они ж присылали киллера... Или не они? Неважно, нужно быть настороже.

Как только выхожу из флаера, бегу в спальню, надеясь, что Надана уже там, но обнаруживаю только целого и невредимого индуса, и еще кто-то плещется в душе.

– Как остальные? – интересуюсь я.

– Хрен знает, – отвечает индус. – Вот только Танто вернулся.

Танто, надо полагать, кто-то из трех азиатов. Нам трансляции боев не показывают, выхода в Интернет у нас нет, и мы не знаем, кто погиб, а кто выжил во время боя.

Индус, вон, дважды победил, а встретить его на улице, и не скажешь, что он опасный противник. Просматриваю характеристики индуса, мысленно сделав запрос выделить то, что мне интересно.

Раджан, 29 лет

Уровень 2, ступень 5, тренер

Физическое развитие: 14

Сила: 14

Ловкость: 14.

Выносливость: 14.

Духовное развитие: 5

Религиозная принадлежность: культист Ваала;

Паранормальные способности: 0.

Интеллект: 10.

Здоровье: 19.

Текущее отношение: равнодушие.

По дополнительному запросу узнаю, что помимо того, что работает тренером, Раджан выступает на ринге. Обкатываю новую способность и смотрю, что у него заблокировано. Фигура индуса окутывается оранжевато-коричневым сиянием с красными вкраплениями. Точно так же, как и у Наданы, над головой сияние светлеет и превращается в жгут, проходящий через темный фильтр.

Заблокированные способности: предвидение (предел развития способности – 6).

Разблокировать?

Нет! Анализ характеристик требует визуального контакта с человеком, и с полминуты я таращусь на индуса. Он по-своему трактует мою заинтересованность.

– Че вылупился? Думаешь, я тоже баба, как и твоя подруга?

Усмехаюсь и отворачиваюсь, хотя на самом деле не до смеха. Из душа выходит Танто с фиолетово-красной гематомой на пол-лица. Сканирую его, и выясняется, что он умен (15), и самый ловкий из нас (16), а так же он – культист Ва-

ала, а заблокировано у него умение, бесполезное в боях, – абсолютная память.

До ужина остается два с половиной часа, и это время лучше посвятить прокачке. «Перед смертью не надышишься» – сейчас не про меня, мне кровь из носу нужно повысить выносливость до четырнадцати. Спарринги на арене короткие, не дольше трех минут, и моих ресурсов хватает, а на Полигоне, где придется подолгу бегать и голодать, выносливостью как пригодится.

Пока ношусь по огороженной площадке вокруг зданий, петляю между флаерами в сопровождении дронов, из мыслей не уходит Надана. Мы отлично сработались, и на Полигоне мне понадобится проверенный напарник. Будет жаль, если она погибла на арене. Жаль не потому, что я потерял что-то полезное, а по-человечески жаль Надану – резкую, грубоватую, но открытую и честную... Не женщину, нет. В огромном теле живет душа подростка, ершистого, недоверчивого и наивного одновременно.

Все флаеры уже прибыли, а ее все нет, и очень хочется верить, что она не на том свете, а в медицинском отсеке зализывает раны.

Чередую аэробные нагрузки с силовыми: отжимаюсь, подтягиваюсь до умопомрачения, бросаю камни в мишень, исполняю акробатические трюки, которые раньше давались мне хуже всего. Я стал более пластичным, в теле появилась легкость.

Пилоты и изредка появляющиеся на улице рекруты смотрят недоуменно. Через полтора часа прекращаю тренировку – я рискую так убиться, что завтра буду не в форме. Изменились ли характеристики, есть смысл смотреть только утром, они обновятся вместе с моим телом, после сна. Бегу к себе и застаю в спальне молодого пугливого боксера. Его зовут Рейн, ему девятнадцать. Как и все профессиональные гладиаторы, он прокачан гармонично, все показатели равны четырнадцати. Больше никто из моих соседей не вернулся с арены.

Звучит гудок, и боксер подпрыгивает от неожиданности. Голос ведущего приглашает нас, смертников, на ужин, и я впервые отчетливо осознаю, как он прав: почти все должны умереть на потеху публике. Друг за другом идем по красным стрелкам на ужин, садимся за один стол, а я все тщетно пытаюсь высмотреть Надану, но обнаруживаю поблизости двух кротов, причем ни у одного, ни у второго не отображается, что они наемники. Неужели убийц набирают из числа участников?

Смерть Наданы расстраивает меня слишком сильно. Раньше я плюнул бы и вычеркнул ее из памяти, теперь же программа так изменила меня, что я стал ценить жизни людей больше, чем того хотелось бы.

Пережевывая мясо, продолжаю изучать рекрутов, число которых поубавилось. Обнаруживаю Лекса, сидящего ко мне спиной, а в другом конце зала – наемного убийцу, татуиро-

ванного верзилу Вейлара, он чувствует мое внимание, наши взгляды встречаются. С полминуты играем в гляделки. Вейлар издевательски поднимает уголок рта, чиркает себя по горлу ребром ладони, и мне очень не нравится торжество в его взгляде.

Нашу дуэль прерывает громоподобный голос ведущего Блейма, заглушивший галдеж рекрутов и звон посуды. Его голограмма висит все там же, на фоне белой стены, противоположной входу. Ухмыльнувшись, он скрещивает на груди мускулистые руки и торжественно объявляет:

– Приветствую вас, смер-р-ртники! Ни для кого не секрет, что этот сезон у нас юбилейный, и потому мы кардинально изменили правила! Ни один поединок не закончился ничьей, потому вам предстоит не десять боев, а три! И завтрашний станет для вас решающим. – Улыбаясь, он смотрит на скопление дронов и объявляет: – Зрители! Завтра вас ждет шоу, какого вы не видели никогда! Готовьтесь! Делайте ставки! Голосуйте за рекрутов! Высокий рейтинг может спасти их жизнь!

Голограмма истаивает, и несколько мгновений царит такая тишина, что слышно жужжание дронов. А потом она взрывается гомоном – рекруты наперебой начинают гадать, что же всех нас ждет.

– Еще одна ночь ножей, – предполагает азиат Танто, от возбуждения его подбитый глаз открывается.

– Рубилово с холодняком, – с набитым ртом бурчит боксер

Рейн.

– Стенка на стенку, – дополняет его Раджан, и его предположение кажется мне наиболее вероятным.

– Всем привет, – звучит над моей головой, я поворачиваюсь и выдыхаю с облегчением: Надана вернулась, как-то вяло тянет перебинтованную до самого плеча руку.

Пожимаю ее, Надана морщится, освобождая кисть, садится за стол и ковыряет кашу. Замечаю, что грудная клетка тоже затянута эластичным бинтом, как при переломе ребер.

– Жопа мне, – мрачно говорит она. – Рука не слушается: вывих и разрыв связок. Такой монстр мне попался, повали и давай руку ломать, но ниче, выстояла. Но, вот, ребра поломаны. Чудом выжила. Хана мне, кароч.

– Так отзови заявку на участие – делов-то! – советует Танто.

– Хер там. – Надана кривится и пытается спародировать ведущего Блейма: – «У нас юбилейный сезон, потому заявка отклонена». Чем больше нас сдохнет, тем лучше, а я теперь ну ваще не боец. Разве что если мне попадется совсем рахит или калека.

Надана сжимает ложку и бросает о стол. Хочется ей помочь, но как? Я такой же бесправный участник... И тут меня осеняет! После того как получил второй осколок Сферы познания, мне открылась способность, которой я поначалу не придал значения, она показалась мне бестолковой... А если нет? Нужно проверить после ужина. Запрашиваю информа-

цию о здоровье Наданы и сразу же получаю ответ:

Здоровье: 18

На текущий момент: 12 (повреждения мышечной ткани 1,5 %, ушиб связок верхних конечностей (правая рука), травма плечевого сустава (устраненный вывих), травма лучезапястного сустава (ушиб), трещина 4 и 5 ребер, растяжение межреберных сухожилий.

Прогноз: благоприятный.

Время, необходимое для полного восстановления здоровья (без вмешательства): 28 дней.

Время, необходимое для полного восстановления здоровья с применением способности: 5 дней.

Так понимаю, что я могу ускорить ее выздоровление, но что для этого нужно? Программа отвечает сразу же:

Необходимое условие: физический контакт с объектом.

Применить способность? Возможность применения доступна не более 1 раза в 5 дней.

Соглашаюсь, и перед глазами всплывает красный текст:

Применение способности невозможно!

Причина: принадлежность объекта к культистам Ваала.

Способы решения: отречение от культа.

Вот те раз! Интенсивно работаю ложкой и челюстями, размышляя над тем, как действовать дальше, стоит ли предлагать Надане отречься от культа? Если ее вера сильна, она не

согласится и сдаст меня. Вероятность этого мала, но я не могу рисковать... Или могу? Подумаю об этом позже.

Соседи доедают ужин первыми и расходятся, я жду Надану, которая и есть от расстройства не может, сглотнув, отодвигает тарелку, поджимает губы и смотрит зверем.

– Опять пялишься? Вали, давай! На хрен я тебе? Завтра еще, не приведи Ваал, нас поставят в одну группу, я вылечу первой, и все вылетят.

– Думаешь, завтра будет командный бой?

– Уверена. Если с холодняком, то не так страшно. А если безоружка... сам понимаешь.

Понимаю. При безоружном бое даже более сильная команда проигрывает, если первой теряет игрока. Но не факт, что мы будем собирать команду сами, скорее всего, ее состав определится рандомно. Проверяю, есть ли поблизости камеры, склоняюсь над столом и спрашиваю шепотом, прикрыв рот рукой:

– На что ты готова пойти, чтобы выжить?

Надана криво ухмыляется, вытирает рот салфеткой, достает сигарету из пачки и сует за ухо.

– Типа тебе есть что мне предложить.

Прижимаю палец к губам, и ее лицо становится серьезным, в глазах загорается интерес.

– Да, но это смертельно опасно, не пались. Так на что ты готова пойти?

Она подается ко мне и хищно облизывается.

– На все.

Откидываюсь на спинку стула, провожаю глазами пролетающий над нами дрон и говорю:

– Тогда выйдем на улицу, ты ж хочешь курить? Но сначала доешь свою порцию. Тебе понадобится много сил. – Она кривится, но я стою на своем: – Я серьезно. Пока не доешь, никаких разговоров.

Она нехотя расправляется с ужином, и мы покидаем столовую. Но осуществить задуманное у меня не получается. В коридоре нас окружает возмущенная толпа, где предводительствует татуированный Вейлар. Просматриваю собравшихся: их двенадцать человек, четыре наемных убийцы, два агрессивно настроенных дурака, их фигуры очерчены красным, остальные – праздно шатающиеся.

– То, что ты сделал, тебе с рук не сойдет! – орет Вейлар, и над нами собираются дроны.

Интуиция подсказывает, что дело плохо, но я еще не понимаю, в чем подвох, и обращаюсь к собравшимся:

– Не я наемный убийца, а он.

– Да ну? Будем проверять? Давайте его обыщем, а потом – меня. Уверен, что где-то у него припрятан тесачок. – Вейлар щерится так, как будто...

Я все понимаю, и холодок бежит по спине. Ему ничего не мешало спрятать нож у меня в кровати, пока никого не было в комнате. Так и есть, иначе наемник не лучился бы уверенностью, и нужно что-то придумать, как-то не пустить

их в спальню...

– Да, где ты ночуешь? – доносится голос из толпы. – Пойдем, общем!

А вот до Наданы не доходит, что происходит, и она разводит руками:

– Да не вопрос! Он всю ночь спал, мы все были на стреме...

– Потому что вы в сговоре и прикрываете друг друга, – квакает Жаба, придушенный ею вчера, благородное имя Эльвион совсем ему не подходит.

– Ну, мужик, веди, если подписываешься, – рокошет мускулистый здоровяк с курчавой черной бородой, как и многие, думающий, что Надана – мужчина.

Надана смотрит на меня, на них, снова на меня, чувствует неладное, но не понимает, что она сделала не так. Приходится объяснять:

– Похоже, меня подставили, и тебе лучше не вписываться.

– Ага! – радуется Жаба. – Подставили его, как же! На чистую воду вывели! Давай, топай к себе, а там мы вещи твои перетрясем и посмотрим.

– Народ, да вы че? – растерянно бормочет побледневшая Надана. – Да какой debil будет холодняк при себе держать? Так же спалиться – как два пальца!

Ее вполне разумный аргумент, может, и подействовал бы за столом переговоров, но не здесь, где накрученные до предела рекруты жаждут сбросить напряжение.

Выход мне видится один: устроить потасовку в спальне, где есть полудохлая надежда, что соседи за меня впишутся. Начнется драка, и нас разгонят, как в прошлый раз. А может, и не разгонят, тут как повезет.

Иду не спеша, лихорадочно ищу выход и не нахожу его. Надана продолжает распинаться, что я нормальный мужик и зря они наезжают, но все зря.

Выход так и не находится, да к тому же в спальне только пугливый боксер Рейн, которого оттесняют в угол, а меня зажимают у выхода, чтобы не воспользовался ножом, если таковой обнаружится. Надана становится рядом, ее ноздри раздуваются от гнева.

Похожий на огромного павиана Вейлар устремляется к моей кровати. Молодец, давай, потом долго будешь объяснять, откуда знаешь, что именно эта койка моя. Но наемник вовремя спохватывается, хватает боксера за грудки и указывает на меня.

– Где спит этот вот?

Сейчас от его ответа зависит моя жизнь. Если он догадается, что происходит, и покажет не туда, конфликт будет исчерпан. Собираюсь ему сказать, что меня подставили, но он уже кивает на мою кровать. Жаба радостно шагает к ней, откидывает матрас...

Его широкая спина закрывает обзор. Мгновения тянутся бесконечно долго, а я отмечаю, что в комнате нет ничего, что послужило бы оружием, и в голове бьется мысль: «Как же

тупо все закончилось».

Жаба сбрасывает матрас на пол, повернувшись к притихшей толпе, раздосадованно трясет подушку. Да он разреветься готов! Никакого ножа там нет. Морда Вейлара вытягивается, он глазам своим не верит, и теперь ясно как день, что он или Жаба были здесь, подложили мне оружие, но кто-то опередил их и забрал нож. Кто? Боксер Рейн? Кто-то из соседей?

Надана улыбается от уха до уха.

– Ну вот! А теперь проверьте-ка этого провокатора.

Вейлар и Жаба пятятся к двери, один из дураков, обведенных красным, кричит им вдогонку:

– Эй, а ну стоять! Вот козлы!

Бородач хлопает меня по плечу.

– Извини, мужик. Без обид.

Незванные гости начинают расходиться, из коридора доносятся крики.

– Охренели совсем, – ворчит боксер и делает стойку. – А давай догоним и дадим звезды? Чтоб неповадно было?

Мотаю головой.

– Там без нас разберутся.

Поднимаю с пола матрас, кладу на место подушку и сажусь на кровать, пытаюсь успокоить мысли. Надана терпеливо ждет, кусает губы – она поняла, что не стоит привлекать внимание. Наконец не выдерживает и достает сигарету из-за уха.

– Курить идешь?

Наезд Вейлара сбил меня с цели. Киваю и направляюсь за Наданой, озираясь по сторонам – так, на всякий случай. Теперь в любой момент можно ожидать нож под ребра. Видно, что мою спутницу сжирает любопытство, но она дисциплинированно не задает вопросов.

На лестничной клетке она пропускает меня вперед, и я веду ее на улицу. За нами увязываются два дрона, хочется их прихлопнуть, но приходится разыгрывать комедию, и затеваю разговор о том, что у меня есть доброжелатель, который отвел подозрение. Надана соглашается и, косясь на дрона, начинает перечислять имена. Вскоре наблюдатель теряет к нам интерес, и дрон улетает, а мы направляемся к флаерам, там, я полагаю, найдется место, где камеры далеко, и можно будет поговорить, не боясь быть услышанными.

Прошу программу выделить камеры и, пока рассказываю о своей дневной тренировке, кручу головой. Останавливаюсь на площадке между машинами, где нет пилотов. Ближайшая камера в двадцати метрах от нас на столбе. Другая за моей спиной в парковочном ограждении, обе обведены зеленым кружком.

– Еще раз спрашиваю: на что ты готова ...

– Да на все. Давай ближе к делу.

Неторопливо оглядываюсь и становлюсь так, чтобы Надана закрыла меня от камеры. Чешу щеку, чтобы прикрыть рот, и говорю:

– Я могу сделать так, чтобы ты выздоровела за пять дней. Кости срастутся, мышцы восстановятся. Завтра перед боем ты еще не будешь здоровой, но рука, думаю, начнет слушаться, и у тебя появится шанс.

– Ты какой-то бред городишь... – недоверчиво прищурившись, шепчет она и спохватывается, прикрывая рот. – Но ладно, допустим ты... колдун, маг... Жрецы ж могут, почему бы тебе не мочь. Что надо сделать?

– Отречься от Ваала.

Она распахивает глаза и хохочет.

– И всего-то? Да срала я на этого болванчика! Если он и есть, то помогает только им. – Она запрокидывает голову, кивая на воображаемую вершину зиккурата.

Когда получаю ее согласие, нужные слова сами ложатся на язык. Беру ее за руки и скороговоркой, стараясь не шевелить губами, шепчу:

– Надана, отрекаешься ли ты от Ваала?

– Отрекаюсь, – откликается она, и в ее глазах появляется страх.

– Отрекаешься ли от всех прислужников его?

– Отрекаюсь.

– Отрекаешься ли от всех темных дел его?

– Отрекаюсь.

Надана бледнеет, глаза ее закатываются, она сгибается пополам и начинает кашлять так надрывно, словно что-то раздирает ее легкие. Дают о себе знать сломанные ребра, она

падает на четвереньки, хватается за горло, разевает рот и выкашливает черный сгусток размером с кулак младенца. Будто бы живая, чернота клубится, растекается кляксой, разбрасывает ложноножки, ощупывает асфальт, замирает и, почувствовав носителя, тянет щупальце к Надане – женщина вскакивает, забыв про боль в ребрах, шарахается. Дернувшись в агонии, сгусток светлеет, обретает прозрачность и рассеивается.

Будто и не было ничего. Но мы-то видели и вряд ли сможем забыть.

Разинув рот, Надана таращится на асфальт, безмолвно указывает пальцем на место, где секунду назад было нечто. Мне и самому не по себе, не ожидал я визуальных эффектов, но так даже лучше. Делаю запрос на излечение Наданы, беру ее за руку, получаю подтверждение и текст:

Процесс регенерации запущен.

1-й день: восстановление 50 % разрушенных тканей;

2-й день: восстановление 20 % разрушенных тканей...

Мысленно сворачиваю текст, чтоб не загромождал обзор, и говорю:

– Завтра тебе будет намного лучше. Послезавтра ты почти выздоровеешь, остальные три дня – реабилитация. Только спать тебе надо хорошо и крепко.

Она кивает, смотрит туда, где был сгусток, передергивает плечами:

– А это что за хрень? Или глюкануло?

Решаю проверить еще кое-что и посылаю запрос, чтобы разблокировать ее телепатию. Ответ приходит тут же:

Способность разблокирована.

Текущий уровень способности: 2 (максимальный – 8).

Черного фильтра, куда упирался идущий от Наданы свет, больше нет.

– Это то, что мешало тебе развиваться. И еще приятный бонус: теперь ты будешь догадываться, о чем думают люди. Это должно помочь в спарринге.

Зевая, Надана качает головой:

– Ну ваще охренеть! Ты прям... демон!

– Скорее наоборот. А теперь иди спать.

– И вот это все? – Она щупает ребра, кривится. – Но еще больно.

– Завтра утром будет легче, обещаю.

Перед глазами всплывает текст:

Сострадание +3.

Совсем забыл, что программа поощряет проявления доброты. Надо же, как она высоко оценила мой поступок!

Удивленная Надана даже забывает покурить.

В коридоре на нашем этаже навстречу вразвалочку идет Лекс, держа руки в карманах. Широко улыбается, завидев нас, пожимает протянутую руку, а потом хлопает меня по

плечу и подмигивает.

– Все, Леон, теперь я тебе ничего не должен. Один-один.

Теперь ясно, кто проследил за наемными убийцами и вытащил нож из-под матраса. Ловлю себя на мысли, что правильно сделал, когда помог ему. И вообще, оказывается, помощь людям – не такое уж неблагодарное занятие, они охотно отвечают тем же.

– Ты не против, если я приду ночевать к вам в спальню? Уверен, что вы меня ночью не прирежете.

– Конечно. Приходи.

Лекс удаляется, я провожаю его взглядом и одновременно сканирую. У него заблокирована крайне любопытная способность – берсерк. Определенно, парня нужно брать в команду. Он невысок и очень гармонично раскачан, физическое развитие – 16 с легким перекосом в силу. У него тело античного бога, а лицо кабинетного очкарика. Как он будет на Полигоне в своих очочках? Никогда не кажешь, что этот парень смертельно опасен.

– Не поняла, это он, что ли, вытащил нож? – спрашивает Надана, и я киваю.

В комнате она падает на кровать и сразу же вырубается, а я еще долго слушаю спор Танто, Раджана и Рейна о том, что же нас ждет завтра и как бы сделать так, чтобы не сдохнуть. Когда к нам приходит Лекс, вежливо представляется и занимает койку в конце комнаты, я объясняю, что он парень надежный, переживать не стоит, и предлагаю спать, выставив

часовых.

Раджан настаивает, чтобы дежурили парами: он и Танто, я и Рейн, Лекс и Надана. Не возражаю, мне это даже на руку: я знаю, что среди нас нет наемных убийц, и буду тупо спать, пока Рейн параноит. А потом вызовусь дежурить вместо Наданы, и мы с Лексом разделим время.

Запираю дверь, выключаю свет и слышу, как индус молится Ваалу, обещает за победу что угодно. Идиот, этого точно не возьму в команду.

Закрываю глаза, и по ту сторону сомкнутых век появляется черный комок, который выплюнула Надана. Пульсируя, он пухнет, раздувается до размеров зиккурата и принимает форму человеческого силуэта с алыми прорезями глаз. Силуэт смотрит на меня, протягивает когтистую руку... и видение истаивает.

Получается, в каждом человеке, кроме трикстеров и озверелых, живет частица Ваала? И люди добровольно отдают ему не только своих близких, но и таланты. Сегодня я впервые бросил вызов Ваалу и, пусть в малом, но победил: вырвал из его лап Надану.

Глава 4. Команда

– Приветствую вас, смер-р-ртники! – уже привычно ревет голограмма ведущего Блейма.

Поедающие завтрак рекруты затихают, поворачивают головы, ждут. На пару мгновений воцаряется тишина, с жужжанием туда-сюда носятся дроны, я наблюдаю за ними и представляю, как идет трансляция по телевизору, где поочередно показывают разные Чистилища, и то одно лицо выхватят, то другое. Сто процентов, шоу смотрят Помпилии, и Рэй, и Элисса. При мысли о ней душа наполняется теплом, как у солдата на войне, который знает, что его ждут дома.

Сидящая рядом Надана наворачивает завтрак, а это, как подсказывает программа, творожная запеканка, а «творог» – продукт натуральный, его делают из молока. За ночь ее организм восстановился, кости, мышцы и связки регенерировали, и теперь ей безумно хочется есть. Голод настолько силен, что она даже не слушает ведущего, а вот Лекс тарашится на голограмму, разинув рот.

– Готовы ли вы узнать свою судьбу? – орет Блейм, но все молчат. Он вскидывает руки, лязгая медными наплечниками. – Ну? Готовы!

Собравшиеся грохочут в ответ:

– Да!

– Итак, сегодня вам предстоит битва на арене, но не при-

вычный спарринг, а безоружный бой пять на пять! Выживут пятеро! Правил нет! Команды формируются случайным, образом, но! Вы все знаете, что зрительский рейтинг важен! Из каждого Чистилища три участника с наивысшим рейтингом смогут выбрать двоих рекрутов в свою команду! Не спрашивая их согласия. Ну а у кого самый высокий рейтинг, мы узнаем очень скоро, буквально через полчаса.

Лекс с недовольством косится на Надану.

– Ты как вообще? Сможешь биться?

Она поднимает руку и победно улыбается.

– Вот. И ребра уже не болят. Главное не попадаться.

– А не врешь? – прищуривается Лекс. – Как-то подозрительно быстро все зажило.

– Сильный организм, несерьезные повреждения, – отвечаю я, поймав полный благоговения взгляд Наданы.

Голограмма исчезает, народ гудит, обмениваясь впечатлениями, на полу вспыхивают красные стрелки, ведущие, вероятно, в конференц-зал, где объявят счастливцев с наивысшим рейтингом.

Зал наполовину пуст, ведь многие рекруты выбыли. Первые ряды занимают журналисты и высокие гости, мы садимся на три места с краю в предпоследнем ряду – отсюда удобнее всего наблюдать за собравшимися. За три дня рекруты разбились по группам, одиночек практически нет. Нахожу четверых наемников, остальных выявили и перерезали или, что более вероятно, часть из них, как и мы, просто рекруты,

и они не вернулись с арены.

Еще минут пять ничего не происходит, а потом створки входной двери закрываются, гаснет свет, погружая зал в темноту. Тихо гремит барабанная дробь, громче, громче, и по мере нарастания звука лампы разгораются все ярче.

В световом пятне над сценой возникает голограмма самого куратора шоу, Эйзера Гискона. Теперь на нем белоснежная атласная туника, расшитая золотом, кроваво-красный плащ, золотые наплечники и наручи.

– Идущие на смерть приветствуют тебя! – надсадно орут из зала, как будто голозапись способна услышать и ответить.

– Здравствуйте, воины! Здравствуйте, лучшие из лучших. Вам остался последний бой, и завтра вы покинете Чистилище, чтобы сражаться за право служить мне!

– Хреново, не восстановлюсь до конца, – вздыхает Надана.

– А сейчас мы узнаем, кто же стал лучшим игроком по мнению зрителей. Чистилище номер один! – он обводит взглядом зал, прислужник приносит ему свиток, Эйзер разворачивает его в абсолютной тишине.

– Это ж мы, – Надана от нетерпения ерзает на стуле, а я не рассчитываю попасть в число счастливчиков – уж очень скучно я себя вел.

– На третьем месте у нас быстрый, как ветер, ловкий, как мангуст... Арако Симидзу! Выйди на сцену, Арако! Приветствуем достойного!

Зал вяло аплодирует. Надана в сердцах бьет спинку пustu-

ющего стула впереди. Лекс косится на нее с неодобрением, он – сама выдержка и степенность, лицезрея его профиль, отмечаю, что глаза у парня раскосые, азиатские, хотя волосы русые и кожа белая. Он кажется медленным и вальяжным, но до чего же обманчива внешность!

– Второе место достается яростному и несокрушимому... Джумаану Нгуни!

Спешащий на сцену бритый наголо африканец так огромен, что пол сотрясается от его шагов. Ростом он точно выше двух метров. Его лицо сливается с мраком, остается только белая мерцающая татуировка скалящегося тигра на черепе.

Впервые жалею, что сижу далеко и не могу считать характеристики – вот у кого сила зашкаливает! Джумаан ревет, бьет себя в грудь кулачищем и падает на колено перед голограммой Гискона, тот переводит на него взгляд. Значит, Гискон и правда почтил нас своим присутствием.

– Встань, – велит он, и африканец слушается. – А теперь лидер нашего рейтинга. Несколько недель назад никто о нем ничего не знал, а потом он вспыхнул кометой и заставил говорить о себе. И если вы не слышали его имени, уверен, скоро прогремит на весь мир. Встречайте! Леонард Тальпаллис!

Надана вскакивает, переворачивая стул.

– Охренеть, бро! Дай я тебя обниму, ты реально демон!

Она стискивает меня в объятиях, долго трясет руку. Лекс похлопывает по спине, освобождая проход, ведь я сижу между ними. По залу прокатывается удивленный шепот. Жид-

кие аплодисменты усиливаются, и весь зал хлопает в едином порыве.

Эйзер Гискон ждет, пока я выберусь и встану на сцене. Вспышки фотоаппаратов слепят, лучи прожекторов бьют по глазам, и я не вижу, а лишь слышу ревущий зал.

– Уверен, Леонард, что ты достоин быть первым! И мне хотелось бы видеть такого воина капитаном своих гвардейцев. – Гискон снисходительно улыбается.

Кошусь на африканца, считываю данные:

Джумаан Нгуни, 23 года

Уровень 2, ступень 2, мастер смешанных единоборств

Физическое развитие: 16

Духовное развитие: 3

Сила: 19

Ловкость: 13

Выносливость: 14

Африканец чувствует мой взгляд и смотрит с презрением и ненавистью, он уверен, что первое место должно достаться ему.

Когда спускаемся со сцены, нас окружают журналисты, десятки объективов нацеливаются на меня, вперед пробивается маленькая журналисточка, почти ребенок, и звонким голосом говорит:

– Леонард, скажите что-нибудь вашим поклонникам!

Смотрю в камеру, возникшую у нее над головой.

– Это неожиданная победа. От всей души спасибо всем, кто в меня поверил. Вместе победим! – Сцепляю руки в замок и поднимаю над головой. Опустив их, говорю полупотом, мысленно обращаясь к Элиссе: – Малыш, я вернусь, и все будет хорошо.

Разворачиваюсь и ухожу, а вдогонку летит голос журналистки:

– У него есть девушка! Это так трогательно! Леонард, как ее зовут? Хотите передать ей привет в прямом эфире?

– Да бросьте, это уловка, – отвечает журналист-мужчина, – чтобы привлечь зрительниц баб, они такое любят.

Голоса стихают, остается жужжание дронов, летящих за мной. Иду вдоль стены на свое место, но путь преграждает сотрудник в сером пиджаке.

– У тебя есть право выбрать членов команды. Имеются ли предпочтения?

Мне выгоднее выбрать Лекса и самого перспективного бойца из собравшихся в зале, но все равно называю Надану, хоть и понимаю, что она восстановилась не до конца и может подвести команду. Не могу победить чувство, что я за нее в ответе.

И снова программа удивляет, выводит текст в самый неожиданный момент:

Сострадание +3.

Уже когда усаживаюсь на свое место, Блейм объявляет, что мы вылетаем через полчаса, команды будут сформирова-

ны на месте согласно жеребьевке. На знакомство друг с другом и противником выделяют еще полчаса, а затем – сам бой. Слушаю его вполуха, анализируя ситуации, когда программа награждала меня очками сострадания. Если просто искать нуждающихся и причинять им добро, вряд ли я что-то получу. Но когда принимаю решения в ущерб себе, руководствуясь... слабостью? Тем, что я всю жизнь в себе подавлял – сопливыми чувствами – то программа всячески их поощряет.

* * *

Жеребьевку тоже превратили в шоу, рекрутов, одетых в одинаковые борцовки и штаны с карманами, из всех Чистилищ вывезли ближе к арене, собрали в зале побольше.

На входе в зал рекруты опускают руки в черный ящик и вытаскивают себе номер, а затем улыбочивые девушки рассаживают их в просторном зале. У лидеров зрительского голосования не номера, а карточки, нам их выдали заранее. У нашей команды карточка с номеров один. Мест хватило не всем, и рекруты толпятся у стен, рокот стоит такой, словно работает сотня моторов. Душно.

И опять гаснет свет – по залу прокатывается вздох. Через пару секунд на огромную сцену падает луч прожектора и выхватывает ведущего Блейма, все так же закованного в латы гладиатора.

– Смер-р-ртники! – прокатывается по залу его усиленный колонками голос. – Вот и настал для вас судный день! Супер-р-р битва! Пять на пять, враг должен быть повержен и истреблен! А теперь – жеребьевка. Молитесь, смертники!

На середину сцены выносят трибуну с подобием круглого аквариума, заполненного, я подозреваю, свернутыми номерами. Из-под земли на встроенном лифте поднимается сам Эйзер Гискон в той же белой, вышитой золотом тунике и алом плаще.

Блейм склоняется перед ним, выдерживает паузу и объявляет:

– Жеребьевка! Вашу участь будет решать сам Эйзер Гискон! Он достает карточку, зачитывает цифры, если назван ваш номер, вы выходите сюда. По пять человек в команде, ей тоже присваивается номер!

Выносят еще одну трибуну с непрозрачным ящиком, разделенным на черную и белую части. Ставят слева от Гискона.

– Сперва свою участь узнают лучшие! Первое Чистилище! Команда номер один!

– Это ж мы! – восклицает Надана, сжимает мою руку.

– Командир Леонард Тальпаллис! – Пока ведущий перечисляет мои подвиги и достижения, мы начинаем проталкиваться из середины ряда к выходу, оттаптывая ноги сидящих и срывая ругательства и проклятия.

Вдоль стены тоже приходится протискиваться, но мы справляемся, по ступенькам взбираемся на сцену и склоня-

емся перед Гисконом, как это делал Блейм.

Ведущий сперва называет Надану, причем объявляет ее Нэдом и говорит о ней в мужском роде, потом – Лекса.

– Кто же дополнит команду Леонарда? – спрашивает Блейм, Гискон опускает руку, вытаскивает карточку, протягивает ее ведущему.

– Номер тридцать два! Пожалуйста, на сцену! Номер тридцать два?

Силуюсь рассмотреть этого рекрута в толпе, но в глаза бьют прожекторы, и вижу лишь черное пятно с редкими вспышками фотоаппаратов. Долго ждать не приходится. Крупными шагами на сцену вылетает долговязый азиат. На первый взгляд он кажется нескладным: тощий, длинные руки и ноги, но характеристики говорят, что он не благодаря удаче пережил два боя на арене. И, судя по плавным движениям, у него нет травм.

Хуанг Тхи Дан, 33 года

Уровень 2, ступень 8, мастер восточных единоборств.

Физическое развитие: 16.

Духовное развитие: 9

Разворачиваю дополнительные характеристики:

Сила: 14

Ловкость: 17

Выносливость: 16.

Мужчина представляется публике. Пожимаю его руку, то

же самое делает Надана и Лекс. Новенький оценивает нас взглядом. Доволен ли он нами, на его лице не прочесть.

Последним членом нашей команды оказывается огромный слегка обрюзгший араб с черной бородой по грудь.

Шер Хорезми, 38 лет

Уровень 2, ступень 7, тренер греко-римской борьбы.

Физическое развитие: 14.

Духовное развитие: 5

Сила: 16

Ловкость: 12

Вьносливость: 14.

Его-то нам и не хватало, борец в команде не помешает, если понадобится сдерживать особо сильного противника. Араб недоволен своей командой, хотя, скорее всего, недовольство – его привычное состояние.

Все не так уж и плохо, у нас гармоничная команда, все относительно целы и полны сил.

Едва араб становится с краю, ведущий пожимает нам руки и произносит:

– Противостоять команде Леонарда будет группа номер... – Гискон достает карточку из белой части ящика и протягивает Блейму. – Группа номер шесть!

И снова полминуты ожидания. Каково же мое удивление, когда на сцене появляется Джумаан Нгуни, второй в рейтинге зрительских симпатий, за ним идут еще два африканца: один иссиня-черный двухметровый верзила с дредами, за-

бранными в хвост (универсальный боец, все характеристики 14), второй, тоже африканец, коренастый совершенно лысый качок (ударник, сила 16, ловкость 13, выносливость 14). Ноги у этого второго короткие и кривые, а руки непропорционально длинные.

Четвертым им по жеребьевке достается мускулистый светловолосый северянин, голова которого подсвечена красно-оранжевым. Программа подсказывает, что у него недавно перенесенная черепно-мозговая травма, хотя так и не скажешь. Хорошо! У нас травмирована Надана, у них – этот слегка прибитый боксер.

Пятым на сцену поднимается голый по пояс здоровяк ударник, заросший густым бурым волосом – сильный, неповоротливый, тупой и безмерно самовлюбленный: он дольше всех рисуется перед публикой, вертится, потрясает руками над головой. Спина у него такая же волосатая, как и грудь.

Если сравнивать характеристики, то наши команды равны. Но у нас есть преимущество: я знаю, кто из бойцов на что способен, и могу строить стратегию боя, в то время как противники понятия не имеют, чего от нас ожидать.

– Командиры, пожмите друг другу руки! – надрывается Блейм, Гискон наблюдает за нами отстраненно, скрестив руки на груди.

Джумаан растягивает губы в оскале, демонстрируя подпиленные зубы, только сейчас замечаю серьги у него в ушах и в носу. Силуэт противника очерчивается красным.

– Первый, да? Крутой?

Мы идем друг к другу, я сохраняю беспристрастность, хотя чувствую опасность, исходящую от этого человека, и сердце срывается в галоп.

– А ты оспорь.

Кривя мясистые губы, Джумаан протягивает руку. Не спуская с него взгляда, тянусь, чтобы ее пожать. Африканец стискивает ладонь своей лапищей и, скалясь, начинает ее сжимать. Без труда освобождаюсь, вращая кистью, делаю вид, что отворачиваюсь и ухожу, и боковым зрением замечаю, как подтягивается Джумаан. Бьет кулаком от бедра, целя мне в висок, отпрыгиваю ему за спину и бью согнутым локтем в бычью шею. Обычного человека такой удар вырубил бы, если не убил. Африканец лишь покачивается, падает на колено.

Надана бросается мне помогать, но ее удерживает Лекс.

– Прекратить! – прокатывается по залу властный голос Эйзера Гискона, к нам устремляется рой дронов, на некоторых замечаю турели, слишком тонкие для пулеметов. Приходит знание, что они стреляют иглами с парализатором.

Отхожу в сторону, подняв руки, украдкой наблюдаю за Гисконом – вдруг ему придет в голову казнить двух дебоширов, пусть даже не я первый начал. Нет, он просто лучится довольством, ведь подобные стычки придают шоу остроты.

Поначалу растерявшийся ведущий видит, что Гискон настроен благосклонно, и радостно орет:

– Вы видели? Они еще не на арене, но уже готовы рвать друг друга! Я чую кровь! Вот это будет мясо! Две суперкоманды! Безоружный бой пять на пять!

Возвращаюсь к своим, оборачиваюсь, чую ненависть Джумаана. Все так же скалясь, он чиркает по шее ребром ладони. Надана шагает вперед, чтобы привлечь к себе внимание, и посылает ему воздушный поцелуй. Лицо африканца вытягивается, он едва глаза не теряет: с чего бы вдруг это сделал мужик?

– Йес! – Как ребенок, радуется Надана, что ее трюк произвел нужный эффект.

Нашу команду за кулисы уводит фигуристая девчонка в латексном корсете. Джумаан уходит за кулисы в другой части сцены.

До решающего боя полчаса, нужно обработать новеньких, чтоб слушались меня, и разработать стратегию.

Глава 5. Пять на пять

Нас заводят в темную каморку четыре на четыре метра, где совершенно пусто, даже стола и стульев нет. По пути я вытребовал лист бумаги и карандаш, всю дорогу мы шли молча.

Первым делом окидываю взглядом помещение, программа по запросу выделяет четыре камеры в углах. Значит, нужно следить за языком и не светить способности, как-то сделать так, чтобы моя осведомленность о способностях противников не показалась подозрительной.

– Рассаживаемся, – говорю я и опускаюсь в середине комнаты, скрещивая ноги, кладу листок на пол, рисую пять кругов. – У кого-нибудь есть практика подобных боев? – Вскидываю голову, смотрю на каждого, все молчат.

Надана и Лекс садятся рядом, азиат-ловкач Дан, пару секунд посомневавшись, делает так же, араб продолжает стоять, скрестив руки на груди, глядит со скепсисом.

– Полагаю, что нет, – вздыхаю я, закрашиваю круги, обозначающие противников, подписываю каждый.

– Только в теории, – пожимает плечами Надана.

– Ага, – поддакивает Лекс и нервно усмехается. – В теории.

– Нет, – вздыхает мастер восточных единоборств Дан, а араб просто качает головой, он самый старший из нас, ему

сорок лет и, чувствую, с ним будут проблемы.

– Значит, слушайте меня...

– С хера ли? – кривит губы араб.

– С того, уважаемый Шер, что нас ждет аналог уличной драки, бессмысленной и беспощадной, и я единственный, кто не только разбирается в теории, но и неоднократно бился стенка на стенку. И если ты не хочешь сдохнуть, придется прислушиваться – у нас очень серьезный противник. Буду благодарен за дельные советы.

Уголки его губ опускаются еще ниже, но он переступает через себя, подходит к нам и наблюдает сверху, как я расписываю характеристики противников, по ходу дела комментируя:

– Если командный бой идет по правилам, то обычно каждый выбирает себе партнера. То есть сначала идет бой один на один, а потом побеждает кто? – Все, в том числе араб Шер, потупившись, молчат, приходится отвечать самому – Побеждает та команда, которой удастся первой вывести из строя хотя бы одного врага.

– Ну да, – кивает Надана.

– Значит, нам нужно сделать что?

И снова тишина. Спустя полминуты ответ находит самый эрудированный из моих бойцов, Лекс:

– Завалить самого слабого.

Араб криво усмехается:

– И кто из них самый слабый? Мне непонятно, я даже не

помню их толком.

Вскидываю голову. На языке вертится «потому что тупой», но говорю другое, помня о том, что надо следить за словами:

– Волосатый блондин...

– Не сказал бы, скорее... – перебивает араб, но теперь я не даю ему закончить.

– Я наблюдал за каждым, анализировал их движения. Этот здоровяк подтормаживает, у него ассиметрично лицо и дергается глаз. Он бледен и потлив. Вероятно, у него сотрясение мозга.

– Охренеть! – всплескивает руками Надана. – Как ты подметил?

Отвечаю пространно:

– Нужно знать, что искать. Хороший удар в голову – и он улетит. К тому же реакция у него замедлена. Следовательно что?

– Нам нужно поставить против него кого-то ловкого и быстрого.

– Именно!

– И это у нас... – останавливаю взгляд на Дане.

– Я, – кивает азиат и замолкает.

– Да. У тебя самая ответственная задача. Идем дальше. Вторая по важности задача – связать боем самого сильного, кто это, вам и так ясно. Джумаан Нгуни. Заметьте, его надо не завалить, а именно связать боем, отвлечь, загонять. За-

чем?

– Чтобы потом добить вдвоем с Даном, – улыбается Лекс, до которого снова дошло первым. – Кто вызовет огонь на себя?

– Лидер на лидера, – предлагаю свою кандидатуру я, и никто не возражает. Рисую напротив кружка Джумаана свой и продолжаю строить стратегию – У нас есть сильный ударник, это Лекс, и борец, – смотрю на араба, который недоверчиво косится на Лекса, который выглядит неопасным.

– С чего ты взял? – с интересом вскидывает араб косматую бровь.

– Ушки выдают, – приходит на помощь Лекс. – И ходишь, как медведь.

Не ошибся я в этом парне!

Араб меняется лицом, трогает свои уши и улыбается уже по-дружески:

– Дааа... А вы профи, так сразу не скажешь. Не думал.

– И это хорошо, – потирает руки воодушевленная Надана, а Лекс язвит:

– Думать иногда полезно. А хорошо потому, что они тоже будут нас недооценивать.

Араб то ли не понимает, что это камень в его огород, то ли пропускает колкость мимо ушей.

– Ладно, мне что делать?

– Выбирай. Остались волосатый здоровяк...

– Так он же нашему этому, – он косится на Дана, – достал-

ся.

– Длинноволосый блондин— да, а есть еще мужик, покрытый бурой курчавой шерстью, – тыкаю во второй справа кружок. – Он, как и лидер, мощный, сильнее любого из нас, но очень медленный. Зато если попадет кулаком по башке, это гарантированный нокаут. Его тоже желательно связать боем, а не пытаться вырубить.

– Интересно, ногами этот мохнатый работает? – Лекс задумчиво потирает подбородок.

– Да, но его сила в руках.

– Я его беру, – вызывается борец.

– Принято. – Рисую араба напротив мохнатого. – Остаются два африканца. Лысый и с дредами. Лысый – ударник, предположительно боксер. Силой он равен Лексу, в остальном уступает.

– В остальном – это в чем? – интересуется долго молчавший азиат Дан. – И как ты определяешь, кто на что способен?

Как же здорово, что я изучал физиологию, когда прокачивал единоборства, да и вообще любил книги: теперь мне есть чем оправдаться перед камерами.

– По внешнему виду, который определяет генетика. У людей с разной предрасположенностью разное строение скелета и мышечной ткани. Спринтеры невысокие и квадратные, стайеры высокие и тонкие в кости. Наши противники понятны: лысый ударник, дредистый – универсал без каких-либо выдающихся талантов.

– Лысый мой, – потирает руки Лекс. – Вырублю его и кому-то помогу.

Делаю пометку и говорю притопывающей Надане:

– Твой – дредистый. Задача – сдерживание. Не подставляйся. Поняла меня? Не геройствуй.

Женщина не отличается большим умом, но и она догадывается, что новым членам команды необязательно знать о ее травме, и кивает. Лекс тоже молчит.

– Не понял, – борец вертит башкой, щурясь, подходит к Надане, осматривает ее с ног до головы, протирает глаза. – Ты что, не мужик?

– Я-то мужик, а ты? – Она отвечает на взгляд, набычивается.

– Прекратить! – рывкаю я, не особо рассчитывая, что араб послушается, но ошибаюсь, он поднимает руки.

– Да пох, лишь бы боец был хороший.

Азиат тоже интеллектурал, и он не оспаривает сложившуюся иерархию, но вопрос задает интересный, правда, не вселяющий оптимизма.

– План, конечно, хорош. Но что делать, если бой пойдет по правилам, навязанным соперником?

– Хреново будет, – соглашаюсь я. – Главное не забывайте, что важнее всего кого-то из них вырубить, чтобы они остались в меньшинстве. Желательно – блондина как слабое звено. А для того, чтоб такого не случилось, нам надо атаковать первыми. По моему сигналу. Потому что если кого-то поте-

ряем мы, то вероятность победы очень мала.

– Будем надеяться, что все получится, – говорит Лекс.

– Джумаан, их лидер, слишком тупой, он вряд ли разработает стоящую стратегию и не даст это сделать другим.

Совещание у нас занимает от силы десять минут, и воцаряется напряжение. Надана меряет шагами комнату, шумно лопают жвачку – пузырь за пузырем. Араб Шер подпирает стену. Дан замер, скрестив ноги и закрыв глаза. Изучаю его характеристики, и радуюсь тому, что он буддист, а не культист Ваала! Значит, и на востоке есть отступники от веры. Лекс начинает растягиваться, напоминая, что неплохо бы разогреться хоть немного, и все мы, кроме Дана, приседаем, отжимаемся, делаем выпады и наклоны.

Вспоминается выплюнутый Наданой комок черноты, и сканирую азиата, чтобы знать, есть ли у него сверхспособности, но вижу фильтр, такой же, как был у Наданы. Наверное, печать Ваала появляется, когда младенцу набивают татуировку на седьмой шейный позвонок и проводят посвящение. А вот способности у него заблокированы очень интересные, он может управлять пространством, примерно как Тевуртий Помпилий, что могло бы сделать из него непобедимого бойца. После боя нужно будет попытаться его завербовать к себе в команду, а потом снять блок Ваала.

– Внимание! Команде— приготовиться к выходу! – звучит из коммуникатора, расположенного в углу, рядом с камерой.

Дан телом выстреливает вверх, как распрямившаяся пружина, его глаза бегают, ноздри раздуваются – нервничает парень, и это плохо. Остальные вроде спокойны, особенно Лекс – вот где средоточие флегматизма.

– Ну, что, – бубнит араб. – Да обратит В...

– Нет! – рявкаю я. – Ни на кого не надеемся. Все сами.

Дан смотрит с уважением и понимающе кивает, я сжимаю кулак, бью по его кулаку, и все присоединяются.

Выходим молчаливые и сосредоточенные, за черноволосой девушкой в латексе, ожидавшей в коридоре, идем минут пять, три раза свернув. Она останавливается перед дверью лифта и проводит инструктаж:

– По сигналу вы подниметесь на арену одновременно со второй командой, там песок, имейте в виду. Команда противника будет справа от вас. На поверхности солнечно, так что возможно ослепление, – она воровато оглядывается и добавляет – Удачи вам, парни!

Нажав мигающую кнопку лифта, девушка провожает взглядом – меня. Народная любовь, конечно, здорово, но было бы еще лучше, если бы нам перепало нечто, помогающее в бою. Лекс надевает очки, комментируя свои действия:

– Если песок, они попытаются сыпануть его в глаза. К тому же так я смотрюсь, как кабинетный червь, и они меня недооценивают.

Закрывается дверь, лифт ползет вверх, мысли мечутся, я чувствую, как мой прекрасный план берется трещинами, и

тараторю:

– Секунда на осмотреться, потом – каждый на своего...

В кабине светлеет, по ушам бьет рев трибун и голос комментатора, я запрокидываю голову и на фоне слепящего света вижу тысячи лепестков, летящих сверху.

– Бой начинаем по сигналу! – командует ринг-анонсер, и я выдыхаю: значит, мы успеем сориентироваться и выбрать цель.

Моя голова поднимается над поверхностью: противники показываются из-под земли ровно на столько же. Джумаан на полголовы выше самого высокого из них. Тяжело с ним придется, во время первого боя мой противник был намного слабее.

Когда мы поднимаемся полностью, дно лифта засыпается песком. Пока ринг-анонсер представляет нас, изучаю арену. Противники находятся в пяти метрах от нас, они стоят полукругом, Джумаан с краю, и я становлюсь так, чтобы быть ближе к нему. До остальных тоже доходит, что нужно сделать, и они занимают позиции напротив назначенных им противников. Все напряжены, только Лекс кажется расслабленным, для него разминка продолжается.

– Бой начинаем на счет «ноль». Пять!

Нахожу взглядом Джумаана, его морда перекошена яростью.

Четыре!

От адреналина пересыхает в горле, учащается пульс,

кровь превращается в расплавленный свинец.

Три!

Силуэт Джумаана окрашивается красным.

Два!

Мысленно обращаюсь к Танит и вспоминаю Элиссу, листок с ее портретом лежит в одном из многочисленных карманов штанов. Я не подведу тебя!

Один!

Ноль!

Моя команда рвет к врагам. В идеале бойцы Джумаана должны броситься нам навстречу, но они сбиваются в кучу, причем волосатого блондина, которого я обозначил как первого претендента на вылет, они прячут за спинами. Все пошло не по плану, но кто ж думал, что противник выберет оборонительную стратегию?

– Окружаем, – командую я, и мы берем их в кольцо, каждый застывает напротив выбранного противника, начинается прощупывание партнера.

Джумаан радостно скалится, танцуя передо мной и то и дело выбрасывая кулаки, от которых я успеваю уворачиваться. А потом вдруг он застывает, указывает на Дана и кричит:

– Фас!

Пропускает мой удар в подбородок, запрокидывает голову, но ему удается удержаться на ногах. Наношу еще пару ударов по печени, но он быстро очухивается, скалит подпленные зубы:

– Звезда тебе, коп! Тебе и всем твоим фрикам.

А вот то, что происходит, мне совершенно не нравится: вся команда Джумаана набрасывается на Дана, и он кулем падает на песок. Араб успевает завалить лысого африканца, а совсем не мохнатого здоровяка, который нападает на Надану. Ей точно против него не выстоять! Блондин, видимо, сказал о своей травме Джумаану, и старается не вмешиваться в бой.

Лекс гоняет по арене дредистого африканца, порывается напасть на блондина, но каждая его попытка заканчивается атакой африканца и оттягиванием Лекса.

Я намного быстрее Джумаана, но выносливость у нас на одном уровне, так что загонять его вряд ли получится. Единственное, что мне пока удастся – уклоняться от ударов, бить в ответ, но противник такой здоровый, что моей силы недостаточно. Чтобы такого вырубить, надо его изо всей силы кувалдой долбануть по башке.

– Серло, – подначивает меня Джумаан. – Плесень. Слабак! Дети и то сильнее бьют.

Я рассчитывал завалить гиганта с кем-нибудь из наших, одному это сделать нереально. Мало того, мы в меньшинстве, и к нашей паре намеревается присоединиться блондин. Они изящно обыграли план, который придумал я!

Двигаюсь приставным шагом, постоянно смещаясь, в надежде долбануть кого-нибудь из врагов второй пары. Перепрыгиваю распростертое тело Дана, лежащего ничком.

Апперкот от Джумаана. Боковой левой, боковой правой... Если хоть один его удар достигнет цели, мне конец. Не переставая двигаться, мониторию, что творится на арене. Блондин нашел более легкую жертву, чем я, и бьет по голове араба, сидящего на африканце и пытающегося захватить его шею, Шер пока держится.

Подныриваю под руку Джумаана, джеб, подсечка, отскочить в сторону и – приставным шагом к блондину. Джуман покачивается, но не падает. Обидный удар заставляет его ринуться на меня. Ах ты ж сука!

Зачерпываю горсть песка, швыряю ему в лицо, он ненадолго слепнет, хватается за глаза. Дети бетона не умеют использовать дары природы. Спасибо, Лекс! И бросаюсь на помощь Шеру, который начинает заваливаться набок. Подбегаю к блондину, бью локтем в шею, завершаю боковым в висок и добиваю его. Покачиваясь, он падает. Но хватка нокаутированного араба слабеет, африканец сбрасывает его и получает от меня скользкий ногой в висок, по печени.

Нанести следующий удар не успеваю: взревев, ему на помощь приходит Джумаан, он прет на меня танком, пытается работать ногами, но получается кривенько.

Вопреки моим стараниям, лысый африканец поднимается. Его лицо залито кровью, но он дееспособен, и тоже устремляется на меня. Помощи ждать неоткуда. Второй раз провернуть фокус с песком не получается. Единственное, что я могу: с бешеной скоростью сместиться вбок, чтобы про-

тивники мешали друг другу.

Видя, что дела у меня плохи, Надана, которая убегает от своего противника, стараясь не ввязываться в бой, подскакивает к лысому со спины, бьет его по башке и сразу же отпрыгивает. Единственное, у кого положение дел более и менее – Лекс, но дредистый африканец не дает ему передышки. Надана ходит по лезвию, мне кранты, помощи ждать неоткуда, один я не отобьюсь.

– Надана, – ору я, видя, как полудохлый блондин пытается замесить чуть живого араба. – Шер!

И пропускаю удар по ребрам. Мир взрывается разноцветными сполохами. Боль пронзает каждую клетку. Мир замирает, и я вижу, как в лицо летит Джумаанов кулак-кувалда...

Зафиксирована прямая угроза жизни!

Активирована способность Замедление!

Пять секунд...

Подныриваю под кулак, бью Джумаана в челюсть, чтоб голова откинулась и открылась шея, наношу серию ударов, кроша гортань. Отталкиваю его топчущим. Теперь лысый африканец, тоже приготовившийся меня бить. Шаг в сторону, прямой правой в висок, затем – левой. Вкладываю в удары все свое отчаянье и ненависть.

Замедление заканчивается. Обрушивается рев трибун и грохот ведущего. Хватаясь за перебитое горло, на подкосившиеся колени падает Джумаан, над ним кружит дрон. А вот лысого здоровяка, который «поплыл», приходится валить

лоукиком и ловить встречным ударом колена в нос. Сплевываю кровь на песок. Кровь? Откуда? Плевать, бой еще не выигран.

Перед глазами мелькают буквы, но не придаю им значения. Двумя руками со скрещенными пальцами, как топором, по затылку бью блондина, пытающегося задушить Шера, который уже не сопротивляется. Подбегаю к противнику Наданы, делаю подсечку, и здоровяк спотыкается.

Жутко кружится башка. Тошнит. В животе разливается расплавленный свинец, и я понимаю, что дело неладно. К тому же кровь изо рта идет все сильнее. Точнее, не изо рта, а из легкого, которое, скорее всего, пробило сломанное ребро.

Под адреналином боли я не чувствую, и так будет еще несколько минут. А вот потом... Надана отлично справляется, и ее противник уже готов упасть, а вот Лексу, на которого я рассчитывал больше всего, не удастся вырубить дредистого африканца, я бегу к нему.

– Эй, помощь нужна?

Мой план срabатывает: африканец, скачущий ко мне спиной, на миг отвлекается, и его настигает нокаутирующий удар Лекса.

К тому моменту Надана разделявает своего здоровяка и бодренько бежит к нам, Лекс тоже вполне бодр. Сплевываю очередной сгусток крови, склоняюсь над арабом: он жив и даже в сознании, но на происходящее реагирует слабо. А вот Дан мертв. Жаль, он мог бы стать не только хорошим по-

мошником на Полигоне, но и союзником в войне, которую я начал вчера, вырвав из лап Ваала первую жертву.

Концентрация адреналина в крови падает, сквозь грохот крови, пульсирующей в висках, доносятся аплодисменты, женский визг. Из-под застекленного купола арены нам на головы снова сыплются тысячи розовых лепестков, падают на взлохмаченную голову Дана. Из его носа до сих пор бежит кровь и впитывается в песок. Над нами мелькают дроны, опускаются и взлетают.

Мы становимся спиной к спине, беремся за руки и поднимаем их. Трибуны режут и рукоплещут, к нашим ногам летят букеты цветов, монеты. На распластанное тело Джумаана падает красный лифчик.

– Славим героев! – надрывается ведущий. – Это был нереально крутой замес. Вам понравилось?

– Да!!!

Мысли в голове начинают путаться, вдыхать так больно, что каждый раз кажется – еще один вдох, и вырублюсь к хренам, но запаса прочности пока хватает. Мне нужно срочно конвертировать очко характеристик в ловкость, тогда организм полностью восстановится.

Реальность становится медленной и вязкой. Еще раз окидываю взглядом тела, валяющиеся на песке, смотрю на лучащуюся радостью Надану, потрясающую над головой кулаками. Даже Лекс выглядит довольнее, чем обычно.

Зачем это им? У меня нет другого выхода, я должен либо

двигаться вперед, либо умереть. Но все эти люди добровольно пошли на смерть, зная, что шанс победить у них один к тысяче. Ладно, пять к тысяче.

К боли при дыхании добавляется адская головная, тошнота усиливается. Не помню, чтобы пропускал удары в голову, что за ерунда?

Вспоминаю о промелькнувших логах, делаю запрос, и появляется сперва строчка о двух единицах сострадания (видимо, за то, что не дал добить полудохлого араба), а потом... Глазам своим не верю и от возмущения даже забываю о боли.

Ты совершил преступление (нанесение тяжких телесных повреждений)

Предыдущее достижение аннулируется!

Пока, придерживаясь за ребра, иду за девушкой в латексе, уводящей нас с арены, пытаюсь осмыслить, что произошло. Какое на фиг преступление, когда у нас бой пять на пять?! Каждый из команды противника – враг?! Почему программа посчитала по-другому? И не будет ли того же самого на Полигоне? Если так, я там не только не прокачаюсь, а потеряю все заработанное.

Мысли начинают расплзаться, сгоняю их в кучу.

– Эй, ты в норме? – интересуется Надана, провожая взглядом пролетающий над нами дрон, а вот другой не спешит оставлять нас в покое.

Прикрывая рот рукой говорю:

– Нет. Мне срочно надо к себе и спать четыре часа. Иначе

сдохну.

Она забегает вперед.

– А по-моему, тебе срочно надо в медицинский отсек! У тебя кровь! Неужели ребро?.. – Ее лицо вытягивается и бледнеет, словно она и правда переживает за меня. – Твою мать. Еще и интервью... Срочно в медотсек!

– Нет! – рывкаю я. – Они меня спишут, а мне надо на Полигон. Так что только спать. Поверь, проснусь – буду как новенький.

Она хлопает глазами, раскрывает и закрывает рои и передумывает спорить – видимо, вспоминает, как я вылечил ее.

В медотсек мне точно нельзя: потом очень долго придется объяснять, почему я так быстро восстановился после тяжелейших повреждений.

Делаю шаг к Надане, шепчу ей в ухо:

– Короче, так. Ты покараулишь меня, пока я сплю. – Шагаю к Лексу: – Лекс, ты отдуваешься перед журналистами, а потом находишь для меня жратву, две-три порции. Она мне жизненно необходима. Ты сообразительный, сам поймешь, что говорить журналистам, а что нет. – Обращаюсь к девушке в латексе, считав ее характеристики – Эй, Милана!

Девушка удивленно оборачивается, открывает рот, чтоб спросить, откуда мне известно ее имя, но я задаю вопрос быстрее:

– Мне срочно нужно поспать четыре часа. Такой организм у меня: после адреналинового всплеска следует откат, и нуж-

но восстановиться.

Смоляные брови девушки ползут на лоб. Лекс тоже озадачен, но не пристаёт с расспросами.

– Может, медицинский отсек?

– Нельзя. Они меня потом затаскают, пробовал уже.

Девушка останавливается, меряет меня взглядом. На помощь приходит Надана, складывает руки на груди:

– Ну пожалуйста! Мы ведь все равно будем тут, пока все группы не передерутся! Так почему бы ему не поспать. А мне пожрать бы, – она водит рукой по мускулистому животу. – И побольше. Так хочется после боя!

Вздыхнув, Милана останавливается, разворачивается к нам и начинает загибать пальцы:

– Сейчас у вас интервью. Леонард – командир команды, он должен поговорить с журналистами, вы уже поняли, как важен зрительский рейтинг. Потом обед. После обеда встреча с фанатами. Вылет на базу планируется после шести вечера... – Она смолкает, смотрит на меня пристально. – А вам бы я все-таки рекомендовала посетить медотсек.

Дышать становится чертовски трудно из-за того, что легкие наполнились кровью. Если в течение десяти минут ничего не сделать, мне конец. Приваливаюсь к стене и говорю:

– Милана, поверь, если я не вырублюсь вот прямо сейчас, я сдохну, и никакой медотсек мне не поможет.

Девушка растерянно разводит руками:

– Я даже не знаю, тут кроватей нет...

Надана указывает на белую металлопластиковую дверь.

– Там что?

– А-а-а... Ничего. Вообще ничего.

Я толкаю дверь, и она поддается, за ней оказывается такая же каморка четыре на четыре, как та, где мы устраивали военный совет.

– Отлично. – Переступаю порог и ложусь прямо на холодную плитку. – Лекс, с тебя интервью и еда. Надана, ты со мной. Милана, поверь, так надо. Все! Не будить и не трогать.

Поджимаю колени и долго кашляю, сплевывая кровь, а ее накопилось преизрядно. Вспоминаются медицинские книжки, где описывался отек легких и прилагались картинки: кровавая пена из разинутого рта, выпученные глаза...

Неужели смертельные раны просто затянутся после того, как я конвертирую очко характеристик? Ладно ушибы, но – сломанные ребра?

Надана стоит надо мной, опершись о стену и скрестив руки на груди. Девушка в латексе топчется у порога, зябко поводя плечами. Лекс не заходит, выглядывает из коридора.

Закрываю глаза, делаю запрос своих характеристик; хоть в глазах и двоится от головной боли, фокусирую взгляд на строчке, где у меня спрашивают согласие на конвертацию очка характеристик в ловкость, мысленно даю добро, надеясь на то, что выносливость вот-вот повысится сама.

Только бы все получилось, и травмы не оказались несовместимыми с жизнью! Воспаленного сознания касается лас-

ковая ладонь усталости, а на ум приходит Элисса, и гаснущим сознанием понимаю, как много она стала для меня значить.

Интерлюдия 2. Сандрино

С самого утра Сандрино как на иголках, он внедрил киллера в Чистилище, где проходил отбор негодный боссу Тальпаллис, и к вечеру должен быть результат. Полдень. Ясно, что еще рано, но все равно он места себе не находит.

Иллона работала чисто, у нее еще не было осечек, и разумом Сандрино был уверен в ней, но интуиция подсказывала: с Тальпаллисом что-то не то, он опасен. Иначе почему одно его существование так задело босса, самого Гамилькара Боэтарха? Вряд ли он пересекался с жителем второго уровня.

Хотя и с долбаным Боэтархом что-то не то. Раньше он гонял по делам, развлечениям и бабам, теперь же отирается возле жрецов. Точнее, они отираются вокруг него. Возвращается он все больше дерганый, и непонятно, чего от него ждать. То наорет ни с чего, то закроется в каюте и молчит. И ни разу не просил отвезти его домой.

Стало происходить что-то странное: стоило Боэтарху появиться, и Сандрино ощущал неприятный холодок внизу живота, тяжесть и неотвратимость, и волосы поднимались дыбом – так зверь чувствует более сильного хищника. Сандрино уговаривал себя, что он просто нервничает, что не ликвидирует Тальпаллиса в срок. Да и всегда есть вероятность, что босс забудет о Тальпаллисе, – что ему какой-то червь со второго уровня? Он решает дела государственной важности.

Но Сандрино привык рассчитывать на худшее.

Он нутром чуял связь между Тальпаллисом и тем, что творится с боссом, но не мог ухватить суть. Одно понятно: это вещи одного порядка, причем в преддверии чего-то темного, липкого, с привкусом крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.